

Оксана Коста

Бездомные души

Книга 1. Кот

Оксана Коста

Бездомные души. Книга 1. Кот

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33392062

ISBN 9785449083180

Аннотация

Илья Котов, или просто Кот, как еще со школы прозвали его друзья за легкий и добродушный нрав – симпатяга и весельчак, любимец женщин, завсегдатай ночных клубов, наследник семейного бизнеса, гордость и надежда своих родителей. Он получает от жизни все, что пожелает. Идеальная жизнь его расписана от и до, его ждет блестящее будущее. Но всего одна встреча переворачивает весь его привычный мир с ног на голову, да и сам он превращается в абсолютно другого человека – больного, одинокого и одержимого...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	51
Глава 3	62
Глава 4	80
Глава 5	90
Глава 6	98
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Бездомные души

Книга 1. Кот

Оксана Коста

Иллюстратор Оксана Коста

© Оксана Коста, 2018

© Оксана Коста, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-8318-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Зачем всё? В чём смысл, когда кругом лишь пустота, да сырой туман, в котором нет ни тепла, ни света? Где хоть одна дорога... хоть одна узенькая тропинка, которая приведет к спасению мою заблудшую душу? Я ничего больше не вижу, словно внезапно ослеп. Но я ничего не видел и раньше. Получается, что я всегда был слепцом? Мы используем. Нас используют. Как это жестоко... Будто мы не живем, а воюем... Пора уже покончить с этой войной. Пора наконец успокоиться и найти приют. Но где оно, то место, откуда мне никогда больше не захочется убежать? И есть ли оно, вообще, на этом свете...

Глава 1

– Да что за чёрт! – молодой человек со злостью стукнул кулаком по тяжелой двери. Уже в течение нескольких минут он никак не мог войти в дом, тщетно пытаясь попасть ключом в замочную скважину. Стояла поздняя осень. Начало ноября. Темнело довольно рано, и казалось, что эта проклятая ночь наступила уже давным-давно. На улице было темно, холодно и безлюдно. Накрапывал мелкий колючий дождь. Тусклый желтый свет от уличного фонаря падал прямо на деревянный массив входной двери, замок был простой и податливый, и в любой другой ситуации отпереть его не составляло никакого труда, но только не сегодня. Сегодня все шло не так... его пальцы, словно чьи-то чужие, окостеневшие и трясущиеся, совсем не слушались и никак не могли попасть тонкой рифленой железкой в отведенный специально для нее зазор. И когда ключ в очередной раз выскользнул из рук и с мерзким, как чья-то насмешка, звоном упал на мраморное крыльцо, он несдержанно громко выругался, опустился на корточки и шумно вздохнул. Ярость, раздражение и одновременное бессилие застилали глаза едкой красноватой дымкой, слева в груди нестерпимо болело расчлененное на мелкие кусочки сердце. Оно из последних сил боролось, пытаясь оттолкнуть от себя некогда прекрасное чувство, а по все еще горящим мыслям уже начинало медлен-

но растекаться непривычно ледяное, но такое спасительное опустошение...

– Ненавижу! – с досадой, сквозь зубы прошептал он то ли непослушной железяке, то ли кому-то невидимому; но одно это, резко произнесенное слово, как будто придало ему сил и в раз помогло успокоить дрожь в руках. – Ненавижу тебя... Будь ты проклята!

С этими словами он выпрямился и вставил непослушный ключ четко в цель, повернул его два раза вправо и привычным движением толкнул от себя тяжелую дверь. Оставив ключ в замке, он вошел в дом и, нащупав на стене выключатель, зажег свет в прихожей.

– Мама! – громко позвал он и внимательно прислушался. Никто не отозвался. Большой дом был пуст и хранил тишину.

«Ну и хорошо, – подумал он, ничего при этом не испытав, – хорошо, что так». Взглянув на часы, он на мгновение задумался над тем, где же так поздно могут быть его родители и младшая сестра, но тут же, потеряв всякий интерес к этому вопросу, стянул с себя парку, перепачканную кровью, бросил ее на пол и, на ходу закатывая рукава джемпера, стремительно направился в ванную.

В голове его было пусто и холодно, только в висках равномерно стучало отдаленное желание причинить всем окружающим такую же ни с чем несравнимую боль, которую он сам испытал... тук-тук-тук... Он заткнул сток в ванной и вклю-

чил теплую воду... вот так хорошо... надо поскорее согреться... сегодня было очень холодно ..., наверное, скоро пойдет снег... Он коснулся ладонью шумного потока теплой воды, льющейся из крана, и удовлетворенно кивнул, затем один за другим стал открывать ящики белого шкафчика, перебирая обеими руками их содержимое.

– Да я же видел! – прошептал он с досадой, захлопнув предпоследний. – Отец всегда хранил их здесь, я же видел... где же?! Да! Вот! – обрадовался он, открыв последний нижний ящик и обнаружив в нем то, что так тщательно искал: это была маленькая коробочка с лезвиями «Нева», которую его отец бережно хранил, как раритет с советских времен, вместе с металлической блестящей бритвой, к которой эти лезвия и прилагались, и пушистым беличьим помазком. Это были предметы памяти о его лихой, как он сам не раз выражался, молодости. Хранились они без надобности, но на всякий «пожарный» случай.

Стараясь не думать ни о чем, кроме своей цели, и не давая себе возможности усомниться в том, правильно ли поступает, он мгновенно распаковал маленькую картонную коробочку и осторожно двумя пальцами правой руки извлек из нее тончайшее острое лезвие. Бросив на него бесстрашный, лишенный всяких эмоций взгляд, он вытянул перед собой левое запястье и хладнокровно полоснул по нему лезвием. Когда из пореза стала проявляться ярко-алая полоска крови, он испытал какое-то необъяснимое удовлетворение и проде-

лал то же самое на втором запястье, после чего аккуратно отложил запачканное лезвие на белоснежную эмаль раковины и закрутил кран с водой. Не раздеваясь, прямо в кроссовках, джинсах и джемпере, слегка приподняв руки, чтобы не запачкаться, он погрузился в теплую воду и блаженно прикрыл веки.

– Наконец-то, – едва шевеля губами, прошептал он. – Теперь я вас всех оставлю в покое, а вы все оставите меня... наконец-то... пошли вы все... все до одного... ненавижу...

Не было больше ни страха, ни волнения, ни боли. Ничего. Он больше ничего не чувствовал и ничего больше не желал. Кроме одного – успокоения для своей мятежной и истерзанной души. Понемногу он стал согреваться и осознавать, как же устал за последнее время. Устал бороться, устал жить... ведь вся его жизнь превратилась в какую-то агонию, параноидальную гонку за иллюзиями, которые он изо дня в день сам себе и придумывал. Но теперь все было кончено. И ему безумно хотелось спать. Веки стали тяжелые, но он и не стремился открывать глаза. Он не хотел больше ничего видеть и не хотел знать, что будет дальше... Он всем своим существом желал поскорее забыться. Чувствуя, как теплое покрывало из всех его несбывшихся мечтаний и надежд уютно укутывает воспаленное сознание, он медленно уходил в тот день, когда впервые увидел **Её...**

Илья задумчиво смотрел в окно и улыбался. Близился к концу на удивление теплый и солнечный март. В этом году природа словно решила оправдаться за все свои предыдущие дождливые весны и всю баловала хорошей погодой уставших от бесконечной питерской серости жителей. Щебетали птицы, встрепенувшиеся от всеобщего зимнего оцепенения, на деревьях уже набухали почки, а кое-где сквозь оттаявшую от ледяной корки почву даже начинала пробиваться молодая, зеленая травка. Илья закинул обе руки за голову и лениво потянулся. Ему нравилось наблюдать за этими метаморфозами природы из окна своей спальни. Двухэтажный дом его родителей был расположен неподалеку от города, в роскошном для отдыха месте, где природа все еще была девственна и практически не тронута цивилизацией, но в то же время, сев за руль, всего лишь в течение какого-то часа можно было оказаться на улицах шумного мегаполиса, ночная жизнь которого манила и вдохновляла его ровно так же, как и трогательная девственность пробивающихся ростков за окном.

– Эй, Кот! Я вообще-то все еще здесь, – недовольный голос заставил Илью оторваться от созерцания весеннего пробуждения. – Ну, и чего ты там лыбишься?

Илья ухмыльнулся и заглянул в окошко скайпа на мониторе своего компьютера, где уже в течение часа висел его лучший друг Гарик.

– Да, так... задумался, – весело отозвался он. – На улице сегодня просто отлично.

– Это есть, – согласился Гарик.

– Так кого ты уже позвал? – спросил его Илья.

– Да почти всех наших. Ну, Васек еще не отзвонился, и от Дэна жду ответа, – отчитался тот и с деловым видом заглянул в свой телефон. Гарик был бледный, худощавый брюнет с симпатичными, заостренными чертами лица и немного хищными, как у птиц из семейства орлиных, темными глазами. – А вот, кстати, и сообщение от Вики... она заболела и не приедет.

– Ну и ладно, – махнул рукой Илья и цинично усмехнулся: – Вряд ли кто-то будет по ней скучать.

– Это точно! – рассмеялся Гарик и, сменив беззаботное выражение лица на глубоко озабоченное, поинтересовался: – А ты со *своей* уже помирился?

– Вчера еще, – нехотя отозвался Илья, поморщился, вспомнив о чем-то не слишком приятном, и, бросив очередной взгляд на залитую солнечным светом лужайку за окном, уже более весело добавил: – Сама позвонила поздно вечером и извинилась.

– Ничего себе! – восхищенно воскликнул Гарик. – Ну, братан, хочу заявить – ты ее отлично отдрессировал.

– А то, – Илья самодовольно покачал головой.

В этот момент неожиданно раздался громкий стук, и через секунду в дверном проеме показалась белокурая голова

его мамы.

– Илюша! – возмутилась она, с укором глядя на сына. – Ну, я же попросила тебя спуститься вовремя! Все гости уже за столом... Кто там у тебя? Игорь что ли?

– Здравсте, Анна Сергеевна! – бодро поздоровалась с ней чернявая голова Гарика, выглядывающая по ту сторону монитора. – Прекрасно выглядите сегодня!

– Здравствуй, Игорь, – коротко отозвалась женщина, не придав особого внимания отвешенному в ее сторону комплименту, и еще более строго обратилась к сыну: – А ну-ка, быстро заканчивайте свою болтовню, Илья, и живо спускайся вниз!

– Есть, маман! – Илья скорчил смешную гримасу и отдал честь ладонью правой руки. – Клянусь, что буду ровно через секунду! Мы уже прощаемся.

Мама удовлетворенно кивнула и закрыла дверь.

– Ну ладно, братка, я опаздываю на семейный ужин с «очень важными» для отца людьми. Думаю, часика через четыре все разойдутся, и я спокойно свалю к вам.

– Собираемся в одиннадцать, – напомнил Гарик. – Позвони, как выберешься из дома, может, подхватишь кого по дороге.

– Договорились, – торопливо отозвался Илья, нажал кнопку отключения, и лицо приятеля молниеносно исчезло с экрана компьютера. Еще раз лениво потянувшись, он с большой неохотой поднялся из мягкого кожаного кресла и,

стянув через голову свою удобную растянутую футболку, подошел к стенному шкафу. Открыв дверцы, он снял с вешалки заботливо приготовленную и отглаженную мамой сорочку белого цвета, без особого энтузиазма накинул ее на плечи, застегнул пуговицы и заправил полы в заношенные рваные, но очень удобные джинсы. В этот момент Илья подумал, что мама останется недовольна, если он не наденет брюки... Закатав рукава рубашки по локоть, он взял со стола свои очень дорогие часы, подаренные в прошлом месяце родителями за получение диплома, и застегнул на левом запястье черный ремешок из натуральной кожи. Сам он, в силу своего характера и образа жизни, не любил следить за временем. Не любил какие-либо рамки, ограничивающие его свободу. Но отец с малолетства готовил его к тому, что рано или поздно именно ему придется управлять компанией. Отец внушал ему, казалось бы, простые истины, но... эти истины были ему так чужды... Илья понимал, что путь для него уже выбран и утвержден его же родителями; что они, направляя, ведут его по жизни и не ждут от него проявления самостоятельности, но именно это понимание и было самым унижительным. Тот факт, что от него ничего не зависит, что за него уже давно все решено, и вся его будущая жизнь от и до расписана в отцовском ежедневнике, сводил его с ума. И каким бы высоким благом не казалось это покровительство, каким бы прекрасным и всепоглощающим чувством не была родительская любовь, все чаще и чаще он чувствовал себя марионет-

кой в чужих руках, и это обстоятельство приводило его в состояние конфликта со своим собственным «я»...

Да, отец внушал ему простые истины. И одна из этих истин пафосно гласила, что дорогие часы, хороший костюм и качественная обувь – это показатели статуса мужчины, а так как он был сыном мужчины с высоким статусом, то теперь был просто обязан демонстрировать свои дорогие часы на людях. Отец должен быть им доволен. Илья обреченно вздохнул, раскатал только что подвернутые рукава рубашки вниз и застегнул пуговицы на манжетах, затем подошел к прямоугольному зеркалу во всю стену и посмотрел на себя.

– Клоун, – тихо констатировал он, оценив то, что там увидел. На него смотрел смуглый светловолосый симпатяга с карими глазами, самый настоящий мажор, маменькин и папенькин любимый сынок, весь такой холеный и блестящий, в фирменной одежде и дорогих часах; самодовольный, но сам не добившийся в своей жизни пока ровным счетом ничего, кроме окончания университета. Он невесело ухмыльнулся. И все же нет, он не тот, кем хотят видеть его родители. Он – Илья Котов, простой парень 23 лет от роду, легкий на подъем и интересный в общении. Парень, которому нравится учиться, который любит точные науки и спорт, который очень любит свою семью. Но также сильно он любит и свою свободу: друзей, вечеринки, выпивку, танцевальную музыку и ночную жизнь! Илья снова ухмыльнулся, думая об этом. Именно за эту фирменную ухмылку и хитрый

прищур темных глаз он и получил свое прозвище Кот. Только теперь это уже была не просто кличка, это было его имя. Так прозвали его друзья с самой школы за веселый и добрый нрав, за жизнелюбие и щедрость. Подсознательно протестуя против родительского гнета, он поднял правую руку и взъерошил свои светло-русые волосы. Снова тяжело вздохнул и прищурился, глядя на себя. Никакой он не мужчина со статусом, как бы не хотелось отцу видеть его таковым. И на данном этапе своей жизни он абсолютно не желал им становиться! Да... не желал. Но он любил родителей больше всего на свете и не хотел ничем их огорчать. Поэтому, в очередной раз подавив свои внутренние амбиции, он пригладил взъерошенные волосы, быстро сменил рваные джинсы на классические брюки, бросил последний тоскливый взгляд на солнечный свет за окном и вышел из комнаты.

Спустившись на первый этаж в наполненную шумом и ярким светом гостиную, Илья мысленно собрался, выпрямился, натянул свою самую приветливую улыбку и, подойдя вплотную к большому, ломящемуся от угощений столу, за которым в этот вечер собрались какие-то абсолютно чужие для него люди, громко приветствовал гостей:

- Добрый вечер! Я прошу простить меня за опоздание...
- О, ну наконец-то! – перебил его невнятное оправдание

отец, Михаил Александрович, и, поднявшись со своего стула во главе стола, торжественно объявил: – Дорогие наши гости! Тем, кто еще не знаком с этим вечно опаздывающим молодым человеком, с великой радостью оттого, что он все-таки явился, но также и не без гордости, я хочу представить моего сына Илью Михайловича, который, я надеюсь, в ближайшем будущем станет полезным для нашего общего дела, а также главной моей надеждой и опорой во всем.

Люди за столом, поймав его настроение, приветственно зашумели, и Илья даже несколько смутился от пристальных и оценивающих взглядов со всех сторон. Он кисло улыбнулся, кивнул всем и никому конкретно, и неловко плюхнулся на стул рядом с отцом. Тогда Михаил Александрович, крупный и статный шатен пятидесяти лет с широким улыбчивым лицом и ясными голубыми глазами, поднял свой бокал, наполненный на четверть элитным сортом коньяка, и предложил тост за всех присутствующих. Гости снова оживленно зашумели, горячо поддерживая предложение хозяина дома, раздался характерный звон хрусталя от соприкосновения чокующихся бокалов, и гостиная наполнилась нестройным гулом голосов вперемежку с тихими мелодиями классической музыки. Через несколько минут кто-то предложил выпить за приветливых и гостеприимных хозяев дома, и присутствующие снова оживились. За столом царила веселая и возбужденная атмосфера, не умолкали разговоры, темы сменяли одна другую; некоторые гости беседовали между собой, кто-

то из присутствующих был явно на подъеме и беспрестанно юморил, то и дело вызывая своими шутками взрывы всеобщего смеха. Родители активно поддерживали беседу и следили за тем, чтобы их гости ни в чем не нуждались. Илье же все это действие не внушало ровным счетом никакого интереса, он не следил за разговорами и был полностью занят своим ужином. Он проголодался и теперь с удовольствием поглощал изысканно приготовленное мясо в кисло-сладком соусе с ананасами и золотистыми кубиками запеченного под сырной корочкой картофеля. Подобные званые ужины проводились в их доме не часто, примерно раз в полгода и несли под собой идею объединения, как говаривал бывало отец, т.е. более тесного и непринужденного его общения со своими коллегами.

Михаил Александрович был владельцем чайной компании. И помимо основной базы вкусов, которые всегда пользовались спросом у покупателей и по праву занимали свои места на полках супермаркетов, он всегда стремился к чему-то новому и необычному. И поиск партнеров, которые могли предложить ему какие-то нестандартные решения, какие-то эксклюзивные технологии, необычные сборы лечебных трав, плодов, цветков; поиск единомышленников в том, чтобы расширять границы обычного понятия «чай», все то, что могло развивать компанию и приносить прибыль в дальнейшем – это было его основной целью. Голоса некоторых гостей за столом были Илье знакомы, это были те самые еди-

номышленники, которые уже в течение длительного периода времени помогали оставаться компании отца на плаву. Он наконец оторвал глаза от своей тарелки и обвел присутствующих взглядом. Да, действительно, несколько мужчин со своими женами были ему хорошо знакомы. Это были поставщики. Здесь же был и одинокий главный бухгалтер компании, а также правая рука отца в большинстве вопросов – Анатолий Викторович, пожилой мужчина в круглых очках с большой сверкающей залысиной прямо посередине головы. Несмотря на такую абсолютно непривлекательную внешность, именно он и оказался тем самым остряком, который заставлял всех, без исключения, женщин за столом смеяться над своими шутками.

Остальные люди показались Илье незнакомыми и не заслуживающими его внимания. Окончательно потеряв всяческий интерес к происходящему, но в глубине души осознавая, что уже совсем скоро и ему придется общаться со всеми этими людьми гораздо более тесно, он вздохнул от безысходности и повернулся к своей заскучавшей сестренке, которая сидела рядышком справа и ковыряла вилкой остывающее мясо.

– Не нравится? – шепнул он ей. Соня подняла глаза и ласково улыбнулась старшему брату. Она была воспитанной и образованной девочкой десяти лет, поэтому в присутствии чужих людей всегда вела себя крайне тихо и скромно.

– Не люблю ананасы, – прошептала она в ответ, обрадо-

ванная возможностью хоть с кем-то поговорить. – И еще мне очень скучно.

– Поверь, крошка, мне тоже, – поддержал ее Илья. Наклонившись чуть ближе, он чмокнул ее в макушку и прошептал: – Потерпи немного. Надеюсь, что скоро весь этот бал-маскарад закончится.

Соня снова благодарно улыбнулась брату и поправила свои длинные темные волосы. Непонятно было в кого она уродилась такая необычная, словно восточная принцесса: смуглая, румяная, с длинными прямыми волосами цвета черного дерева и большими карими глазами. С одной стороны, чертами своего аккуратного личика она все же походила на их светловолосую и голубоглазую маму, но колоритом однозначно пошла в отцовскую родню, где прадедушкой, как гласили семейные сказания, вроде бы был грек. Да и внешность самого Ильи частенько сбивала с толку мало-знакомых людей. Несмотря на светло-русые волосы, было и в нем что-то от греческого прадедушки, подруги матери частенько недоумевали, насколько сильными порой бывают гены – Илья и Соня, на первый взгляд, были совсем не похожи на своих родителей. Анну Сергеевну частенько одолевали расспросами, как у них с мужем, двух людей с абсолютно славянскими внешними данными, смогли появиться на свет такие смуглые и кареглазые дети? Она всегда лишь тихонько посмеивалась над этими вопросами и с гордостью отвечала, что только благодаря таинственным *греческим генам* у нее

и родились такие красивые дети. Ну, а с этим неопровержимым фактом поспорить уже никто не мог.

– Я хочу поиграть с девочкой, – снова прошептала Соня.

– С какой девочкой? – удивился Илья.

– Вон с той, – и Соня указала ладонью куда-то, напротив. Илья глазами попытался уловить направление, в котором метнулась ее маленькая ручка и, действительно, увидел там девочку. Такую же небольшую и точно так же, как и Соня, скучающую над своей тарелкой. Как же он был так невнимателен, что не заметил эту девочку раньше? Она была худощавая, бледная, с приятными мягкими чертами лица, большими серыми глазами в обрамлении пышных ресниц и вьющимися русыми волосами ниже плеч. Она тоже то и дело с явным интересом поглядывала в сторону Сони. Казалось, ей было очень неуютно среди этой шумной, выпивающей взрослой компании, она вся словно съежилась в своем синем платъице и от этого казалась какой-то хрупкой и замерзшей, словно маленькая птичка. Илья с сочувствием посмотрел на нее, но она тут же смутилась от его взгляда и робко опустила глаза. В эту самую минуту кто-то, сидящий с ней рядом, провел рукой по ее вьющимся волосам и приобнял за плечи. Девочка словно ожила от этого прикосновения, и на ее бледном лице проскользнула тень улыбки. Илья заинтересованно перевел взгляд на сидящего рядом с ней человека. Это была женщина. В этот самый момент она наклонила голову к дочери и что-то прошептала ей на ухо. Длин-

ные черные волосы блестящим каскадом упали ей на лицо. Девочка заулыбалась тому, что ей сказали и согласно кивнула. Женщина подняла голову, невероятно легким движением отбросила свои длинные волосы назад, и Илья, словно зачарованный, уставился на ее необыкновенное лицо... Это была совсем молодая женщина, яркая, эффектная, притягивающая взгляд. Внутри него все неожиданно замерло, и в то же мгновение стала закипать и подниматься волна недоумения. Где же были его глаза все это время? Как же он мог не обратить внимание на них обеих? Как мог не заметить *такую* девушку? Ведь он, как и любой другой нормальный мужчина, всегда считал себя истинным ценителем красоты. Он любил женщин, а в особенности красивых, и женщины всегда любили его... Илья почувствовал, как в нем пробуждается такой знакомый и до боли приятный инстинкт охотника. Эта девушка полностью завладела его вниманием. Теперь он остро желал, чтобы и она непременно заметила его. Илья выпрямил спину и незаметно расстегнул верхние пуговицы на своей белоснежной рубашке. Настроение его моментально изменилось, скуке больше не оказалось места в голове. Но тут же с некоторой ревностью пришлось отметить, что он не единственный «охотник» за этим столом, что не только он прикован взглядом к прекрасной незнакомке; практически все присутствующие мужчины, украдкой от своих спутниц, то и дело поглядывали в сторону темноволосой гостьи. Очевидным теперь казался и тот факт, что даже пожилой бухгал-

тер Анатолий Викторович, уже изрядно подвыпивший, своими несравненными остротами пытался завладеть именно ее вниманием. Илья почувствовал азарт. Это было именно то, что он так любил – игра, соперничество и жгучее желание оказаться лучшим. Он любил всякую борьбу, в самом широком понимании этого слова, так как любил побеждать. Это было основным качеством его характера, он был лидером по натуре, и поэтому так стремился вырваться за рамки, которыми была устлана его жизнь.

Почувствовав на себе очередной напористый мужской взгляд, к которым по всей видимости она была привычна, незнакомка несколько напряглась, вздернула подбородок, сдвинула брови и без лишних колебаний посмотрела Илье прямо в глаза. И от этого дерзкого, остро брошенного взгляда, в котором откровенно читался вызов, у него бешено забилося сердце. Это была словно невидимая, но весьма ощутимая оплеуха. На мгновение он даже оторопел и слегка покраснел, так как ожидал совсем иной реакции, надеясь, что наглостью своей смутит ее и поставит в неловкое положение. Он был твердо уверен, что она начнет стесняться и прятать глаза, делая вид, что вовсе его не замечает. Он любил вести игру с женщинами, но только по своим правилам и всегда наперед продумывал ходы. Да, на этот раз он промахнулся и сам попался в свои же сети, но отступить было не в его характере, поэтому он быстро взял себя в руки и ухмыльнулся. Девушка эта была не просто привлекательна. Та-

ких, как она, обычно называют некрасивым словом, применимым чаще к животным, нежели к людям – «породистая». Вся такая сочная, точеная, она будто бы только что сошла с холста какого-то влюбленного в ее красоту и свежесть художника, которому свойственно было все приукрашивать. Длинные черные волосы, нежная кожа персикового оттенка, высокие скулы, придающие горделивое выражение ее лицу, небольшие, но красиво очерченные розовые губы, аккуратный прямой нос, выразительный изгиб черных бровей и эти необыкновенные глаза... ярко-зеленые, не слишком светлые и не слишком темные, словно насыщенный благодатной влагой летний лес. В этих глазах была какая-то особенная, присущая только им одним, магия...

– Павел Викторович! – возбужденный и уже достаточно нетрезвый возглас отца вырвал Илью из минутного забытья и заставил вернуться в реальность. Взгляд незнакомки, как ускользящее наваждение, тут же устремился на говорящего, потом небрежно заскользил по присутствующим, смягчился, потеплел и потерял всякую дерзость. Через мгновение она уже кому-то улыбалась, и Илья с досадой отметил, что это означало только одно – потерю всякого интереса к его персоне. Между тем отец продолжал: – Дорогой наш! Мне бы очень хотелось, чтобы Вы повторили свое потрясающее предложение снова, но теперь уже в этом тесном кругу наших единомышленников и заинтересованных людей. Прошу!

И с этими словами Михаил Александрович громко захлопал в ладоши, словно всех присутствующих ожидало какое-то потрясающее театральное представление. Илья поморщился, испытывая полное неприятие происходящего, и заерзал на стуле. В это время сидящий по левую руку от прекрасной незнакомки человек в черном костюме с голубой сорочкой неожиданно зашевелился, кашлянул в салфетку и, шумно отодвинув стул, поднялся. Это был высокий и крепкий, не очень молодой мужчина спортивного телосложения с красным лицом. Он снова откашлялся и низким хриловатым голосом произнес:

– С удовольствием повторю. Для тех, с кем я еще не успел познакомиться – разрешите представиться. Меня зовут Кирсанов Павел Викторович. Но для начала позвольте выразить Вам, Михаил Александрович, и Вам, Анна Сергеевна, свою глубокую признательность за приглашение на столь, не побоюсь этого слова, *великолепный* ужин. Я и моя супруга Евгения, – с этими словами мужчина опустил большую ладонь своей правой руки на хрупкое плечо таинственной темноволосой гостьи... и это простое прикосновение, такое свойское и, по всей видимости, привычное для них обоих, неожиданно привело Илью в настоящее бешенство. В его душе стала разрастаться необъяснимая злость. Во все глаза он смотрел на улыбающееся, светлое лицо девушки и никак не мог поверить тому, что в данный момент слышат его уши. – И, конечно же, наша дочь Лизонька, – между тем продолжал свою

речь мужчина, вызывающий в нем все большую неприязнь, — все мы счастливы быть сегодня здесь. Это честь для нашей семьи! Да... Итак, все-таки вернемся к делу. Мне бы хотелось поделиться с Вами, дорогие коллеги, своими размышлениями. Размышлениями, которые уже пришлось по вкусу Михаилу Александровичу и, я надеюсь, найдут отзыв и в ваших сердцах. Дело в том, что я располагаю определенного рода знакомствами и соответственно неограниченными возможностями для того, чтобы раздобыть абсолютно эксклюзивные ингредиенты для нашего нового продукта. Не стану вас томить. Я предлагаю запустить в производство линию лечебных чаев. Но это будут не просто травяные сборы, которые легко можно купить в аптеке. Это будет именно чай! Привычный нашему покупателю черный, зеленый, белый и так далее напиток, но только с абсолютно новыми и непривычными, а потому неизменно интересными, добавками и неповторимыми вкусами. Такими, которых еще нет ни у одного из наших конкурентов. К примеру, я бы хотел рассказать вам об одном удивительном растении, которое благотворно влияет на...

И мужчина начал увлеченно рассказывать о каких-то мало кому известных растениях, цветках, травах, чьи лечебные свойства якобы уже давно доказаны учеными и которые не так-то просто раздобыть, но, по его же уверению, таковые возможности имеются, поэтому... Илья уже больше ничего не слышал, он лишь удивленно переводил взгляд

с его, еще больше раскрасневшегося от горячих речей, лица на прекрасное и улыбающееся лицо его жены Евгении. Жены... Это определение никак не укладывалось в его голове. Что общего может быть между этими двумя абсолютно разными людьми? Размышляя об этом, Илья осознанно пытался вновь привлечь внимание прекрасной незнакомки, но она больше ни разу не взглянула в его сторону. Наоборот, она будто бы назло всем, с какой-то затаенной нежностью и гордостью любовалась на своего мужа. «Но ведь он тебе совершенно не подходит! – негодовал Илья, обращаясь к ней в своих мыслях. – Неужели ты этого не видишь?! Где твои глаза? Он же такой некрасивый и старый... сколько ему?!»

Илья чувствовал, как в нем закипает праведная ярость, словно произошла какая-то ошибка или несправедливость, которую непременно нужно было исправить. Он все с большей неприязнью разглядывал Павла, и этот человек все больше и больше не нравился ему. У него было одутловатое красноватое лицо с крупными резкими чертами, хмурые темные брови и холодные серые глаза, преисполненные собственного достоинства. Возможно, когда-то он был неплохим спортсменом. Это читалось по характерной горбинке носа, которая появляется как следствие перелома, по тяжелым надбровным дугам, по короткой стрижке седеющих волос, по крепкой, хорошо сохранившейся фигуре, по крупным набитым кулакам, да и во всем его облике было нечто напоминающее средневековых гладиаторов, возможно, раз-

мах руки и сама подача того, что он говорил. Но, как ни странно, говорил этот человек складно и мысли свои выражал достаточно ясно, раздражая тем самым Илью еще больше.

– Мама, – неожиданно позвала Соня, когда Павел Викторович уже закончил свою речь, и гости начали наперебой высказывать свои мнения. Анна Сергеевна строго взглянула на дочь, недовольная тем, что ее отвлекают от столь важного обсуждения, и та тихо попросила: – Мама, можно мне пойти поиграть с девочкой?

Анна Сергеевна была женщина чуть полноватая, но высокая и невероятно статная. И хоть ей стукнуло уже сорок семь, с годами она вовсе не потеряла своей привлекательности, а даже наоборот черты ее лица со временем становились все более и более благородными. Это была женщина с отменным вкусом и безупречными манерами. И она составляла идеальную партию своему мужчине. Ее невозможно было застать врасплох. Анна Сергеевна была невероятно организованной, собранной и целеустремленной. Будучи всегда с идеальным макияжем и укладкой, даже за семейным ужином, она готова была встретиться с любыми трудностями, как говорится, лицом к лицу. Глядя на милое личико своей дочери, Анна Сергеевна тепло улыбнулась и мягко ответила:

– Ну, конечно же, милая, – и уже чуть громче обратилась к маме Лизы: – Женечка, мне кажется, наши девочки совсем

заскучали. Может быть, Соня покажет Лизе свою комнату?

Лицо молодой женщины будто просветлело, она повернула голову и что-то тихо спросила у своей дочери, но та лишь испуганно схватила ее за руку и еще больше побледнела. Илья внимательно следил за ними обеими.

– Я прошу прощения, но Лиза немного стесняется. Пожалуй, я пойду вместе с девочками, – произнесла гостья приятным низким голосом, и они вместе с дочерью поднялись из-за стола. Соня радостно подскочила со своего места со свойственной для ребенка несдержанностью, извинилась и, в несколько шагов очутившись подле Лизы, доверительно взяла ее за руку. Илья, не отрываясь, рассматривал темноволосую гостью. Она была необыкновенно стройна в своем длинном узком платье-футляре темно-зеленого цвета; скромно, строго, без каких-либо излишеств и украшений. Молча он наблюдал за тем, как грациозной походкой она покидала гостиную вслед за двумя девочками, крепко держащимися за руки. И как только они пропали из виду, наваждение словно растворилось в воздухе, магия исчезла, и со всех сторон, будто удары по голове, слышались резкие громкие голоса подвыпивших людей, хохот, шутки и несдержанные выкрики. Илье захотелось заткнуть уши, он нахмурился и сделал глоток воды. В присутствии родителей молодой человек практически никогда не позволял себе выпивать спиртное, зато абсолютно ни в чем себе не отказывал в присутствии друзей. Вспомнив о намечающейся вече-

ринке и мельком взглянув на часы, Илья с досадой отметил, что уже начало десятого, а гости не подают ровным счетом никаких признаков усталости. Еще через двадцать минут, он начал уже откровенно скучать в чуждом для себя обществе и, подперев правую щеку ладонью, уныло смотрел на то, как еще больше раскрасневшийся Павел Викторович, широко размахивая своими огромными руками, что-то объясняет его отцу, подсевшему в свою очередь поближе к собеседнику, на освободившийся стул девочки Лизы.

– Мне надо позвонить, – заявил Илья своей маме, воспользовавшись той ситуацией, когда гости уже распределились по отдельным группкам, и нетерпеливо поднялся из-за стола.

– Только недолго, – отозвалась Анна Сергеевна и добавила: – Скоро будут подавать чай. Загляни, пожалуйста, к Соне и скажи, что я настоятельно прошу их не задерживаться.

– Хорошо, – кивнул Илья и быстрыми шагами покинул просторную гостиную, затем поднялся на второй этаж, где помимо его собственной комнаты, также находилась и спальня его сестры; здесь он остановился в некоторой нерешительности и стал прислушиваться. Из-за плотно закрытой двери раздавались голоса девочек и их залиvistый смех. Затем он услышал, как заговорил приятный женский голос. Он не смог разобрать того, что произнес этот голос, но девочки снова засмеялись. Илья тихонько, стараясь не издавать лишних звуков, подошел ближе и, приложив обе ладони к двери,

словно так было лучше слышно, прислонился лбом к прохладному дереву и закрыл глаза. Затаив дыхание, он подслушивал за тем, что происходило в комнате. В этот момент ему было и неловко, и приятно одновременно. И почему-то это состояние ему понравилось. Он вдруг безумно захотел стать невидимым, просочиться сквозь плотную дверь и тоже быть там, смотреть и слушать, но оставаться при этом незамеченным... Незамеченным, так как скорее всего, в его присутствии это непринужденное веселье сразу же прекратится. Подумав об этом, он поморщился, недовольный собой, шумно вздохнул и отпрянул от двери, после чего громко постучался. Детский смех тут же оборвался. Воспользовавшись этим минутным замешательством, Илья нажал на резную железную ручку двери и отворил ее. Сердце его бешено забилось, когда он снова увидел ее. Темноволосая девушка сидела прямо на полу, рядом с обеими девочками, в окружении мягких игрушек и несметного количества кукол. Лицо ее светилось, на щеках проступил нежный румянец. Зеленые глаза задорно улыбались, ровно так же, как у Сони и Лизы, словно она и сама была еще девчонкой. Не сложно было догадаться, что они отлично проводят время вместе и совершенно не думают о том, чтобы вернуться к остальным. Но при одном только взгляде на Илью, гостя отложила куклу в сторону, оправила свое платье, и лицо ее приняло строгое, даже немного холодное, к его величайшему разочарованию, выражение.

– Извините, что помешал, – попытался исправить положение Илья и обезоруживающе улыбнулся. – Просто мама просила передать вам, что скоро будут подавать чай...

– Ура! – воскликнула Соня и захлопала в ладоши. – Кстати, а я уже видела торт. Он огромный и нереально красивый. Лиза, а ты любишь торты?

Девочка воодушевленно кивнула.

– С ягодами? – не унималась Соня.

Лиза снова весело кивнула. Взглянув на беззаботность девочек, Евгения тоже не смогла сдержать улыбки, и ее лицо тут же просветлело.

– И чем это вы тут занимаетесь? – Илья весело ухмыльнулся, пытаясь всеми силами поддержать их приподнятое настроение. – Поднимаясь по лестнице, я слышал жуткий хохот. Чем он был вызван?

– Это все Женя! – возбужденно воскликнула Соня, схватив в руки белого плюшевого медведя. – Она так здорово умеет придумывать!

– Соня, – укоризненно покачал головой Илья. – Взрослых нельзя так называть...

– Ничего, я сама разрешила, – перебила его гостья на полуслове и улыбнулась Соне. – Мне так больше нравится... Вообще, мне все равно... Просто я не люблю лишних церемоний. Особенно, когда меня называют полным именем, да еще и с отчеством...

– Правда? – искренне удивился Илья, в семье которого

приветствовало обратное. – Отчего же?

– Наверное, я еще не в том возрасте, когда это становится приятным, – не слишком охотно отозвалась Евгения.

– Пожалуй, вы правы, – согласился с ее словами Илья. – Так значит, вас можно называть просто Женей?

Гостья так растерянно пожала плечами, что Илья невольно улыбнулся:

– Кстати, можно я зайду?

– Ну, конечно, проходи! – Соня жестом пригласила его в свою комнату, и они вместе с Лизой, глядя друг на друга, опять рассмеялись. Жене, по всей видимости, эта идея пришлась не по вкусу. Она вся подобралась и заметно напряглась. Заметив это, Илья испытал легкое разочарование. Ему было неприятна сама мысль о том, что он способен принести дискомфорт кому-либо своим присутствием. Но в то же время понимая, что ситуация сейчас находится в его руках, он попытался сгладить ее:

– На мой взгляд, Евгения – это очень красивое имя. Очень женственное и даже какое-то эпосное что ли.

– Благодарю, – коротко ответила Женя и улыбнулась скорее из вежливости. Соня подвинула своих кукол, освобождая место на белом пушистом ковре, и Илья сел рядом с ней, скрестив ноги. Гостья, сидящая напротив, в тот же миг смущенно опустила глаза и стала натягивать подол своего узкого зеленого платья на колени, привлекая этим еще больше его внимания. Ему удалось смутить ее... а это хороший знак!

Стараясь казаться сдержанным и не слишком навязчивым, он все же не смог удержаться от соблазна и пробежал глазами по ее стройным босым ножкам и по стоящим неподалеку бежевым туфлям с высокими шпильками. Ухмыльнувшись своим порочным мыслям, Илья беззаботно поинтересовался:

– Так во что вы так увлеченно здесь играли?

– Мы играли в Барри, – ответила Соня.

– Барри? И кто это?

– Ну, Илья, ты совсем! – Соня возмущенно закатила глаза. – Даже не помнишь, как кого зовут!

– Конечно, не помню. У тебя слишком много игрушек, сестричка, и я просто не в состоянии запомнить имена каждой из них...

– Барри – это мишка. Вот этот, – неожиданно мягко произнесла Женя, взяла в руки белого медвежонка с красным бантом на шее и улыбнулась. На левой щеке ее образовалась очаровательная маленькая ямочка. – Барри – знаменитый парижский фотограф, а все присутствующие куклы – это его модели...

– Да! – возбужденно поддержала ее Соня. – И у них сейчас фотосессия новой коллекции платьев. Давай, Лиза, продолжаем!

И обе девочки стали расставлять кукол в разных экстравагантных позах, а Женя, точнее уже медвежонок Барри в ее руках, взял в пушистые лапы игрушечный пластмассовый

фотоаппарат и начал щелкать его затвором, приговаривая смешным низким голосом:

– Хей, милая, ну что ты стоишь как столб? Сейчас же расслабься и дай мне эффектную позу. А ты? Ну-ка, покажи мне шик!

Илья с удивленной улыбкой следил за тем, что происходит. Его забавляла эта наивная детская игра.

– Я стараюсь! – весело пискнула Соня и выгнула свою куклу в какую-то странную немислимую позу.

– Ну вот, – тихо восхитился медвежонок Барри нежным женским голосом, от тембра которого у Ильи мурашки побежали по спине. – Вот теперь я вижу модель! Отличная работа, детка!

И все трое снова громко рассмеялись. Илья, глядя на все это представление, тоже не смог сдержать улыбки и заинтересовался у гости:

– Определенно у вас есть опыт работы в модельном бизнесе?

Женя непонятно взглянула на него и пожала плечами:

– Незначительный.

– А сейчас?

– Что сейчас?

– Чем вы занимаетесь сейчас? – уточнил свой вопрос

Илья.

– Я рисую, – тихо отозвалась гостья.

– Что? – переспросил он, не расслышав ее ответа.

– Мама рисует картины, – с гордостью в голосе заявила Лиза. – Очень красивые картины, между прочим.

– Правда? – удивился Илья, пронзительно посмотрев на Женю, которая снова смущенно опустила глаза. – И что же это за картины?

– Разные, – небрежно поведя плечами, отвечала Лиза вместо своей мамы, – у нас дома... у нас там целая мастерская заставлена картинами! Там и люди на них, и море, и разные красивые места нарисованы.

– Прямо целая мастерская? – еще больше удивился Илья. – Так, вы, действительно, художница?

– Да, – коротко ответила гостя, так и не поднимая глаз.

– Ничего себе! – он даже присвистнул, но ему тут же захотелось узнать еще больше: – А я вот, знаете, совсем не умею... Так вы рисуете картины для себя или под заказ?

– И то и другое, – неоднозначно ответила Женя. Поняв, что игра в фотографа Барри уже вряд ли продолжится, Соня взяла медвежонка в свои руки, и они вместе с Лизой, придвинувшись к друг другу поближе, стали играть вдвоем.

– Меня, кстати, зовут Илья, – неожиданно опомнившись, произнес молодой человек. – Извините, я забыл представиться.

– Да. Я слышала, – улыбнулась Женя, снова показав ямочку на левой щеке.

– Очень приятно познакомиться, – вкрадчиво проговорил Илья и протянул ей свою ладонь для рукопожатия. Но Женя

как-то непонятно покачала головой и даже не прикоснулась к ней. Испытав некоторую неловкость, Илья быстро убрал свою руку, но тут же приведя мысли в порядок, улыбнулся и решился задать следующий вопрос: – Расскажите, ну а что вам нравится рисовать больше всего?

– Не знаю, – Женя снова пожала плечами и уже гораздо более доверчиво, словно извиняясь за нанесенный по его самолюбию удар, посмотрела ему в глаза. – Наверное то, что меня вдохновляет. Неважно, будь то пейзаж или лицо человека. Мне просто должно нравиться это... Как вам объяснить? Это как огонь внутри. Он или охватывает тебя целиком или его просто нет. Вы, наверное, меня не понимаете...

– Понимаю! – с жаром отозвался Илья; он поймал себя на мысли, что ему безумно приятно слушать ее спокойный и тихий голос. – Так и должно быть. Огонь. Страсть. Любому делу нужно отдаваться со страстью, иначе результата не будет...

– Да, так и есть.

– Я бы с удовольствием посмотрел на ваши работы. Их можно где-то увидеть?

Женя ничего не ответила. Она лишь молча поднялась на ноги, оправила свое длинное узкое платье и, сделав несколько шагов к большому окну, отодвинула длинную кружевную занавеску в сторону.

– Уже сумерки... – задумчиво произнесла она, полностью поглощенная своими мыслями. Ее поведение могло пока-

заться странным на первый взгляд. Любой другой на месте Ильи уже наверняка подумал бы о том, что эта девушка не в себе. Но Илье почему-то нравилась ее странность. Нравилась ее задумчивость и отстраненность. Психотип этой девушки был ему пока что непонятен, но он испытывал острое желание во что бы то ни стало разгадать ее. Не произнося ни слова, она вглядывалась в темноту за окном, придерживая тонкими пальцами кружевной занавес, а он, не желая нарушать это задумчивое молчание, с неприкрытым восхищением разглядывал изящные изгибы ее стройного тела, длинные черные волосы, шелковым водопадом обрамляющие плечи и спину, четкий точеный профиль лица, полуоткрытые губы...

Задорный смех играющих девочек заставил их обоих вздрогнуть. Женя повернула голову и задумчиво посмотрела на детей, потом на Илью, молча наблюдающего за ней и продолжающего терпеливо ждать ее ответа, и неожиданно улыбнулась.

– А у вас здесь очень красиво, – мягко произнесла она и, вернувшись на свое место, добавила: – Знаете, Илья, каждый творческий человек мечтает, чтобы его работы непременно увидели и оценили. Как и многие другие художники, я тоже задумываюсь о собственной выставке. Но пока у меня не так много работ, которые заслуживали бы такой чести. Я имею в виду – действительно хороших работ.

– Почему-то мне кажется, что вы лукавите, – не поверил

ее словам Илья.

– Правда? – усмехнулась Женя. – И почему вам так кажется?

– Или вы безумно скромная или просто себя недооцениваете. Почему-то я уверен в этом.

– Не мне об этом судить, – Женя неопределенно пожала плечами.

– Я бы очень хотел посмотреть ваши картины, – настойчиво повторил свое желание Илья: – Это возможно?

– Быть может, когда-нибудь, – уклончиво ответила Женя и, видимо не желая ничего обещать, быстро перевела разговор на другую тему: – А вы, Илья, значит, работаете вместе с отцом?

– Не совсем так, – тускло ответил молодой человек. Ему хотелось говорить о ней, а не о себе. К тому же эта тема была несколько болезненна для него. – Я совсем недавно получил диплом и теперь начинаю потихоньку стажироваться в нашей... с отцом компании.

– Любите чай? – в глазах Жени промелькнула лукавая искорка.

– Совсем нет, я предпочитаю кофе! – ухмыльнулся Илья. – А вы?

– И я тоже, – с улыбкой ответила Женя. – Люблю черный крепкий кофе с лимоном.

– И с сахаром?

– Нет, – она покачала головой. – Preferiré no сла-

стить, тогда вкус остается более насыщенным... таким дерзким, кисло-горьким.

– Любите острые ощущения? – легкомысленно поинтересовался Илья и тут же осекся, поняв, что заходит в своем интересе за рамки дозволенного. Но Женя, не углядев в его вопросе никакого подтекста, честно ответила:

– Люблю.

– Да вы, Женя, крепкий орешек, – Илья хитро прищурился.

– Так и есть. И я свободна в своих вкусах. А вы, Илья, что на это скажете? Получается, вы обязаны любить чай для своей работы, но против своей воли?

– Хм, наверное, в этом есть доля правды. Обязан любить, знать, разбираться и заражать этой любовью весь окружающий мир... Потому что так считают мои родители. И в ближайшее время по их воле я буду сослан в длительную поездку за границу, чтобы там продолжить обучение и непосредственно поучаствовать в открытии нового филиала.

– Неужели? – Женя заинтересованно подняла брови. – В ближайшее время?

– Да, приблизительно к концу осени я должен буду обосноваться в Лондоне, – ответил Илья без особого энтузиазма.

– И вам это не по душе? – с удивительной проницательностью заметила девушка.

– Не совсем. А как вы догадались? – улыбнулся Илья.

– Простая наблюдательность.

– Вы единственный человек, который заметил это, – и с этими словами Илья наклонил голову на бок и заинтересованно взглянул ей в глаза. – Мои родители считают, что это единственный мой путь и это именно то, что мне нужно. А мои друзья говорят, что я должен быть благодарен за все. Но я и благодарен, просто не уверен, что... в общем, получается замкнутый круг, в котором...

– В котором вы задыхаетесь? – договорила за него Женя.

– Да, задыхаюсь, – подтвердил он, с удивлением поглядывая на свою собеседницу. – Вы думаете, что я не прав?

– Нет, Илья, я так не думаю, – сдержанно ответила девушка. – Я уверена, что каждому из нас необходима свобода. Но у каждого она своя.

– Не совсем понимаю...

– Ну согласитесь, само слово «свобода» в широком смысле его понимания для каждого из нас имеет свой личный и более глубокий смысл. Кому-то из нас нужна свобода слова, кому-то свобода действий. Кто-то хочет освободиться от лишнего веса, от вещей; кто-то от своей работы, от гнета, от замкнутого пространства, а кто-то от зависимости или насилия. Кому-то просто нужно чуть больше личного пространства, чтобы почувствовать себя свободным, а некоторым людям необходимо освободиться друг от друга, – на этих словах она как-то резко осеклась и оборвала свои размышления.

– А вы правы. Я никогда не думал об этом так широко, ...

и вы чувствуете себя свободным человеком?

– Нет, – коротко ответила она и погрузилась в грусть. – Илья, извините, но мне не хочется больше об этом говорить.

Девочкам взрослый разговор был совершенно не интересен, а игра в медвежонка-фотографа без участия Жени быстро наскучила. Поэтому Соня вытащила из-под кровати свой внушительных размеров расписной сундучок, доверху наполненный мелкими игрушками, заколками, значками, магнитами и другой бесценной для детской души всячиной, и теперь обе девочки увлеченно, в четыре руки, перебирали эти несметные сокровища, обсуждали их и радостно хихикали. Женя и Илья одновременно посмотрели в их сторону и замолчали.

– Скажите, Женя, а давно вы знакомы с нашими родителями? – Илья первым нарушил молчание, стараясь сделать это так мягко и деликатно, чтобы ни в коем случае не спугнуть возникшее между ними доверие.

– Лично я не была знакома до сегодняшнего дня, – Женя подняла глаза, и внутри него снова все закипело. – Мой муж Павел познакомился с Михаилом Александровичем на конференции где-то около трех месяцев назад...

– Ах, да... ваш муж, – растерянно пробормотал Илья, вспомнив о существовании такового, и ощутил острую неприязнь от самого звучания этого короткого слова. – У меня даже в голове это не укладывается...

– Что именно?

– Ну то, что Павел – это ваш муж...

– Почему? – искренне удивилась его замечанию Женя.

– Вы просто странно смотрите вместе...

– Возможно.

– Извините. Но можно я скажу свое мнение?

– Не уверена, что хочу его знать...

– Но я все же скажу. Вы слишком красивы для этого человека.

– Интересно... а разве для брака красота имеет значение? – Женя недоуменно вздернула плечами.

– Поверьте, имеет! Да еще какое! – дерзко усмехнулся Илья и быстро добавил: – По крайней мере, для мужчин. Они всегда хотят жениться исключительно на красавицах. Мы всегда смотрим на внешность.

– Так вы считаете, что мужчинам абсолютно неважно какая женщина внутри, главное, чтобы картинка была красивой?

– Не я так считаю, а большинство мужчин, – подтвердил свои домыслы Илья.

– Глупость какая! – возмутилась на это Женя. – А на что же тогда, по-вашему, обращают внимание женщины?

– В семидесяти случаях из ста – это тоже внешняя привлекательность, – уверенно ответил ей Илья. – Ну, а если ее нет... тогда, думаю, это деньги и успешность.

– Мне кажется, что вы еще слишком молоды и ничего

не понимаете про жизнь.

– Вы не правы, – попытался оспорить ее мнение Илья, – просто я...

– Я права, – перебила его Женя и неожиданно нахмурилась. – А вы рассуждаете не как мужчина, а как глупый мальчишка!

– Это статистика самой жизни, поэтому я с вами не соглашусь...

– Ваше право. Можете и не соглашаться.

– Ну ладно, извините... Но если я так глуп, тогда сами объясните мне, чем же так хорош ваш муж?

– Вы считаете, что я *вам* должна это объяснять? – возмутилась девушка бестактности его вопроса.

– Нет, конечно, не должны, – голос Ильи звучал уже не так уверенно. – Просто мне хочется знать, чем такой человек, как он, смог покорить такую, как вы?

– Вы серьезно?

– Конечно. Давно вы женаты?

– Это что, допрос? – строго спросила его Женя вместо ответа. – Зачем вы задаете мне все эти вопросы?

Очевидно было, что разговор на данную тему становился ей все более неприятен. И Илья в глубине души понимал почему. Понимал, что он, абсолютно чужой и малознакомый для нее человек, пытается сейчас сунуть свой нос туда, куда не следует. Он был всего лишь эпизодом на ее жизненном пути, но его это не устраивало. Ему так хотелось узнать о ней

больше! Так хотелось, в буквальном смысле слова, влезть под эту тонкую нежную кожу и самому прочувствовать все то, что чувствует она... чтобы понять.

– Простите, – он неловко потер лоб ладонью, осознавая еще и то, что с этой девушкой нельзя вести себя так, как он привык... она была не такая... к ней нужен был особый подход, особые слова; и он попытался оправдаться: – Мне казалось, что девушки любят рассказывать о своей личной жизни.

– Зачем? – искренне удивилась Женя.

– Ну..., наверное, просто, чтобы поддержать беседу. Зачастую с незнакомыми людьми разговаривать гораздо интереснее, ведь они о тебе пока еще ничего не знают. И поэтому можно придумать про себя любую легенду, приукрасить как-то свою жизнь, – в глубине души он уже негодовал сам на себя, понимая, что несет какую-то чушь, но почему-то никак не мог остановиться.

– Так вы обычно так поступаете? Выдаете себя за того, кем не являетесь? – усмехнулась Женя, заставив его покраснеть от этих слов.

– Вы меня не поняли...

– Наоборот, прекрасно поняла. Так вот, у меня нет никаких легенд, поэтому мне нечего рассказывать, – раздраженно отрезала девушка, задев Илью еще больше; ему так хотелось поставить ее на место, но все-таки, преодолев эмоции, он попытался ответить ей как можно более любезно:

– Я понял. Вы просто не любите говорить о себе.

– Не люблю.

– Но почему? Неужели вы настолько закрытый человек?

– Да, Илья. И этот разговор становится мне неприятен.

– Но чем я вас обидел? – не унимался он, раздосадованный такой резкой сменой ее настроения.

Женя нервно откинула длинную прядь черных волос за спину и нехотя ответила:

– Вы меня ничем не обидели. Просто я не люблю людей, которые проявляют излишнее любопытство и навязчиво пытаются влезть ко мне в душу.

– Да я не..., – Илья в очередной раз попытался оправдаться за свою бестактность, но она не дала ему такой возможности:

– Сначала вы показались мне интересным и деликатным молодым человеком. Но теперь я вижу, что вы такой же, как и все остальные! Вы ничем не отличаетесь от других. Просто наглый и самовлюбленный мальчишка, который вообразил себя великим покорителем женских сердец. Да вы просто еще не знаете слова «нет» и потому считаете, что все двери для вас открыты. И вы наивно полагаете, что я тоже растаю от вашей симпатичной мордашки и вкрадчивого голоса и внезапно начну изливать свою душу? Какой промах! На меня такие уловки не действуют. Поэтому вам не стоит больше пытаться произвести на меня впечатление. И... наш разговор закончен.

То, как она жестко и неприязненно произнесла последние слова, не только задело его самолюбие, но и поставило в тупик. Не понимая до конца, что в его словах могло вызвать такую негативную реакцию, глядя в ее, полные гнева глаза, Илья не сразу нашелся что ответить. Ему стало неловко и даже гадко на душе... Да, возможно, он повел себя как дурак. И он, действительно, хотел обратить на себя ее внимание. Возможно, сморозил глупость, но с ней не так просто было заговорить, а ему так хотелось, чтобы она взглядела в нем взрослого и интересного собеседника, чтобы оценила его умение шутить, говорить и слушать. Но что-то было не так. С ней. Эта девушка была совершенно непонятна ему. Илья знал наверняка, что умеет отлично ладить с людьми, что умеет расположить к себе... У него был богатый опыт, позволяющий ему, как мужчине, быть уверенным в себе и в своих способностях. В его присутствии женщины любого возраста всегда начинали улыбаться и непринужденно кокетничать. Он умел очаровывать их не только своими внешними данными, нет, у него была и масса других достоинств. Так что же сейчас не так? Почему она *так* реагирует на него? Почему хмурится и отводит глаза в сторону? Похоже, он выбрал неправильную тактику и настолько ошибся, что предстал в ее глазах лишь легкомысленным и поверхностным юнцом. Казалось, что только одно его присутствие теперь вызывает в ней раздражение.

– Простите меня, если я был бестактен, – тихо произнес

он, поднимаясь на ноги. Женя по-прежнему была напряжена и молча разглядывала какую-то точку на полу. – Я ничем не хотел обидеть вас. Зря вы так... Спускайтесь к чаю, его уже наверняка подали. К сожалению, я не смогу к вам присоединиться, мне пора уезжать.

– Ка-а-ак? Ты опять уезжаешь? Ну, как всегда, – недовольным голосом протянула Соня. Все время, пока говорила Женя, они с Лизой сидели тихо, прервав свою игру, слушали эту эмоциональную речь и ничего не понимали. Столь явная перемена в ее интонациях, да и настроения в целом, не осталась незамеченной детьми. Лицо Лизы погрузнело и стало еще более бледным, чем раньше. Она казалась невероятно ранимой и еще более хрупкой на фоне румяной и улыбчивой Сони.

– Приятно было познакомиться, – Илья намеренно проигнорировал замечание сестры, потому что ему тоже ни с кем не хотелось больше разговаривать. – Желаю вам хорошего вечера. До свидания, Женя. До свидания, девочки.

В это мгновение Женя все-таки подняла глаза, и они встретились с ним взглядом. В груди что-то больно защемило: то ли от бушующей в нем обиды, то ли от чего-то другого... В любом случае, все то, что он сейчас чувствовал, вызывало в нем неприязнь. Илья сощурился, пытаясь понять, о чем же говорят эти глаза, и какой человек за ними кроется, но так и не сумев ни в чем разобраться, лишь коротко кивнул и вышел из комнаты. Возможно, ему просто захотелось это

увидеть... возможно, ему это только померещилось... но в ее влажных, блестящих глазах была какая-то тоска.

Решив, что в шумной толпе подвыпивших гостей его уже вряд ли кто-то хватится, Илья быстрым шагом пересек холл второго этажа и зашел в свою комнату. Плотнo прикрыв за собой дверь, он прислонился к ней спиной и на мгновение замер, затем перевел дыхание и, сделав несколько шагов, остановился напротив зеркала. Ему совсем не понравилось то, что он там увидел: щеки пылали на непривычно бледном лице, глаза нездорово блестели, как при лихорадке. На душе было холодно и жарко одновременно, и он всем своим нутром, всей кожей ощущал этот пронизывающий озноб, какой бывает на улице в промозглый день.

– Какой же ты идиот! – злобно бросил он своему отражению и плюнул сквозь зубы. Внутри все горело от стыда, от недовольства сами собой и от испытанного унижения. Он чувствовал себя отверженным, непонятым и непривычно одиноким. Одновременно с этими разрушительными мыслями он испытывал острое желание забыться и как можно скорее; отвлечься, напиться, утолить свою жажду и найти успокоение в чьих-нибудь объятиях. Сняв с запястья часы, он отшвырнул их на кровать с такой силой, словно они были виновниками всему, что произошло; затем закатал рукава ру-

башки по локоть и резким движением открыл шкаф. Сменив брюки на удобные рваные джинсы, а кожаные туфли на поношенные кроссовки, Илья извлек из верхнего ящика своего стола кошелек, автомобильные ключи и, не задерживаясь больше ни на секунду, вышел из комнаты. Бесшумно сбежав вниз по лестнице, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, он миновал деревянную арку с дизайнерской лепниной, которая открывала вид на душную гостиную, переполненную тяжелым запахом алкоголя с примесью пота и дорогого парфюма, схватил с вешалки черную кожаную куртку и толкнул входную дверь. Очутившись на улице, молодой человек глубоко вздохнул и почувствовал, как непонятно откуда нахлынувшие боль и стыд постепенно отступают, как становится все легче и легче дышать в этой окутывающей спокойствием и умиротворением прохладе мартовского вечера. И всего через несколько минут он уже напряженно наблюдал в зеркало заднего вида за тем, как плавно закрываются чугунные ворота за его небольшим спортивным автомобилем. Положив левую руку на руль, правой он достал из кармана куртки телефон и ловкими касаниями большого пальца по экрану набрал короткое сообщение: «Ты меня ждешь?». Ответ пришел практически сразу: «Да». Илья задумался на мгновение и написал еще два слова: «Люблю тебя». Через пару секунд телефон завибрировал, оповещая о новом сообщении: «Я тебя тоже». Прочитав эти слова в небольшом светящемся окошке, Илья удовлетворенно ух-

мыльнулся, убрал телефон обратно в карман и нажал на педаль газа.

Глава 2

Громкая музыка била по ушам, и все внутри подчинялось ее гипнотическому ритму. Илья уже несколько минут пытался протиснуться сквозь тесную толпу танцующих, но, поддаваясь всеобщей эйфории, то и дело останавливался рядом с какой-нибудь незнакомой девушкой и начинал двигаться в такт музыке, глоток за глотком отпивая виски из своего стакана. Глаза, улыбки, соблазнительные изгибы влажных тел, мягкие прикосновения женских рук к его лицу, шее, рукам... ему было очень хорошо, он не чувствовал себя одиноким среди всех этих незнакомых, но таких же безумных, как он сам людей, и блаженно отдавался этим ощущениям, а также возможности не думать ни о чем. Опустошенный наполовину стакан неразбавленного виски уже сделал свое дело, мутный дурман расплзался по голове теплым дымом, и это расслабленное безразличие приносило чувство безграничного удовольствия. Чьи-то прохладные ладони гладили его лицо, опускаясь по шее к плечам, и вот уже, закрывая глаза, он почувствовал ласковые прикосновения пальцев на своей груди... Но резкий толчок в плечо в момент разрушил магию, и Илья, придя в себя, нехотя обернулся. На него смотрели прозрачные, горящие недовольством глаза Дианы. Совершенно не задумываясь над тем, как выглядит со стороны, Илья обезоруживающе ей улыбнулся и, окинув девушку

с головы до ног оценивающим взглядом, громко заявил:

– Детка, ты сегодня просто ослепительна!

Диана стояла, раздраженно скрестив руки на груди, и с осуждением глядела на него своими светлыми и невероятно прозрачными глазами. Она, действительно, была красавицей и прекрасно об этом знала. Высокая, стройная, длинноногая со светло-русыми волосами до пояса, она работала моделью для каталогов косметики и одежды, а потому достаточно ровно относилась к восхищенным комплиментам в свой адрес. Но из уст Ильи они, к сожалению, звучали совсем не часто.

Он повернулся к ней всем своим неловким телом и попытался обнять, но Диана обиженно его оттолкнула:

– Ну, почему ты такой?!

– Какой? – невозмутимо поинтересовался Илья и отпил глоток виски.

– Ты просто гад, – девушка чуть не плакала. – Почему ты позволяешь каким-то девкам лапать себя?!

– Каким еще девкам? – Илья повернул голову и увидел двух подвыпивших молоденьких девушек в откровенных нарядах, которые танцевали рядом и заискивающе поглядывали в его сторону. – Ааа... детка, да я даже и внимания на них не обратил...

– Что ты несешь?! Тебе все равно, кто к тебе прикасается?

– Милая, да я просто танцевал и уже немного выпил...

– Хватит пить! – возмущенно прошипела Диана и вырвала

стакан у него из рук. – Ты же за рулем! Как ты собираешься возвращаться?

– Не беда, я возьму такси, – легкомысленно улыбнулся Илья и, окинув жадным взглядом стройное упругое тело своей девушки в коротеньком черном платье, притянул ее к себе со словами: – Иди ко мне... Я так соскучился.

Он почувствовал, как отступает ее напряжение и, не теряя времени даром, стал покрывать поцелуями ее шею, а затем плечи. Диана чуть слышно простонала, и этот стон слился с громкими динамичными битами музыки. Он проскользил горячими ладонями по изгибу ее спины, по упругим ягодичкам, и, чувствуя прилив возбуждения, сунул руку под коротенькое черное платье, но она тут же шлепнула его по этой бессовестной руке и возмущенно прошептала прямо в лицо:

– Ты совсем с ума сошел? Вокруг же люди... пойдём лучше к нашим.

С этими словами она отстранилась от Ильи, взяла его за руку и потянула куда-то в сторону, прочь от разгоряченной, пахнувшей потом и алкоголем, танцующей толпы. Через пару минут они подошли к столику, за которым уже сидело семь человек: пять парней и две девушки. Сквозь взрыв общего хохота, раздался возглас:

– Ну наконец-то, братка! Мы уже думали, что ты нас продадинамишь, как в прошлый раз, – эти слова принадлежали Тимуру, крепкому черноволосому парню с аккуратной бородкой. Он вскочил из-за стола и крепко обнял Илью.

– Когда это я вас динамил? – задиристо ответил Илья, одну за другой пожимая протянутые для рукопожатия ладони друзей. – Если ты о прошлой пятнице, то я ведь предупредил, что не смогу.

– Да ладно, отстань от него, – Гарик тоже поднялся из-за стола и протянул своему лучшему другу стакан с виски. – Давай, Кот, садись ко мне.

С этими словами он потянул его за рукав рубашки, и оба плюхнулись на диван. Тимур пожал плечами, улыбнулся и уселся рядом.

– За встречу! – предложила одна из девушек звонким голоском и подняла вверх свой бокал на тонкой ножке, наполненный каким-то замысловатым коктейлем бирюзового цвета.

Все присутствующие за столиком с жаром поддержали ее, чокаясь кто-чем: кто бутылками пива, кто коктейлями, кто стаканами с виски – прозрачным напитком чайного цвета. Диана, так и оставшаяся стоять в стороне, поставила пустой стакан, отобранный у Ильи, на поднос проходящего мимо официанта, затем, эффектно двигая бедрами, прошагала к столику и села к своему парню на колени. Илья сделал несколько больших глотков и, почувствовав, как ледяной напиток обжигает горло, а потом и желудок, слегка поморщился и обнял ее за талию.

– Ребята, а у меня для вас есть новость! – громко крикнул кто-то из присутствующих, и все взгляды сразу же устреми-

лись на Дэна, худощавого высокого парня в синем пиджаке с коротким ежиком русых волос. Молодой человек поднялся, держа в руке бутылку с пивом, и откашлялся.

– Тебя наконец-то поймали и загребли в армию? – пошутил его приятель, круглолицый румяный парень по имени Сева, но все вокруг зашикали на него. Парень в синем пиджаке снисходительно улыбнулся и продолжил:

– Думаю, что эта новость... она очень удивит вас. Но-о..., – он специально растягивал слова, пытаясь держать интригу.

– Ну? – не выдержал Тимур.

– В общем, мы с Ритой решили пожениться, – выпалил Дэн и довольный плюхнулся обратно на диван.

– Что-о?

– Да ну?!

– С кем?

Похоже, что эта новость действительно заставила всех удивиться. По кругу пробежал гомон встревоженных голосов.

– Рита! – возмущенно воскликнула Диана, глядя в упор на девушку с ярко-красными прямыми волосами до плеч, сидящую рядом со своим новоиспеченным женихом. – Что все это значит? Почему ты мне ничего не сказала? Подруга называется...

– Ди, да ничего личного. Просто так получилось, – бесцветным голосом ответила Рита, и ее искусно подведенные

брови изогнулись, придав лицу несколько снисходительное выражение.

– Ну вы, ребята, даете! – удивленно заявил Гарик. – Какое пожениться? Ты, Ритка, вроде с Ромычем мутила. А ты, Дэн, еще две недели назад встречался с... как там ее, Вероникой, кажется...

– Ну было, – нехотя подтвердил его слова Дэн. – Но только с ней это все было несерьезно.

– А сейчас типа серьезно? – Тимур возмущенно поднял свои большие ладони вверх.

– Сейчас — да.

– И когда это вы встречаться-то начали? Мы что-то никто этого даже и не заметили. А, Рита? Чего не отвечаешь? Эй, Ромыч, ну а ты почему молчишь?! Ты, вообще, был в курсе?

Это обращение Тимура было адресовано тихому рыжеволосому парню, скромно сидящему в углу и попивающему свой виски. Когда недоумевающие взгляды друзей устремились на него, он сначала густо покраснел, но потом, видимо, взял себя в руки, спокойно поставил свой стакан на стол, сложил пальцы обеих рук в замок и интеллигентно ответил:

– Прошу вас всех не мутить воду. У нас с Ритой все кончено. И она имеет полное право делать все, что ей захочется.

– Неужели ты их застукал, братан? – ухмыльнулся своей догадке Илья, молчавший до этих пор, и шумно отхлебнул из своего стакана.

– Кот, я не хочу об этом говорить, – все тем же спокой-

ным голосом отозвался Рома. Но то, что он даже не глядел в сторону своей бывшей девушки и, по всей видимости, уже *бывшего* друга, служило лишь подтверждением слов Ильи. – Каждый из нас останется наедине со своей совестью. А у ребят намечается такое важное событие, давайте просто их поддержим!

– Нет уж, подождите! – Тимур возмущенно стукнул ладонью по столу. – Мы все-таки все дружим уже много лет и должны понимать ситуацию.

– Да не надо ничего понимать! – довольно эмоционально ответил ему Дэн, раздосадованный неожиданным поворотом разговора. – И не надо никого осуждать. Просто порадуйтесь за нас, вы же наши друзья.

– Но мы также и друзья Ромыча, – задумчиво проговорил Гарик. – А получается, что его-то в этой ситуации предали... вы оба... и как прикажете нам радоваться?

– Слушайте, ребята, я вас всего три недели не видел, а уже столько всего произошло! – раздался полный фальшивой радости голос Ильи, попытавшегося хоть как-то сгладить нарастающий конфликт. – Ну, вы даете!

– И сколько же вы вместе? – никак не унимался Тимур, возмущенно глядя на Риту и Дэна.

– Да уж, признавайтесь! – поддакнул ему круглолицый Сева. – Как давно уже бедолага Ромыч ходит с рогами?

Его шутка снова вызвала возмущенное и шумное недовольство друзей, а кудрявая девушка, сидящая рядом, даже

пихнула его в плечо.

– Ребята! – громко произнес Рома, поднимаясь. – Прошу вас всех успокоиться. Поверьте, у меня все хорошо. Я в полном порядке. Наши с Ритой пути разошлись, да и слава Богу! Дэн, наверное, сможет дать ей то, чего я не смог. На этом давайте закончим бестолковую дискуссию. Я искренне желаю ребятам счастья, и вы, как настоящие друзья, должны последовать моему примеру.

– Почему это? – с сарказмом в голосе поинтересовался Тимур, не поддерживающий спокойствие своего приятеля.

– Потому что мы беременны! – как-то уж совсем жалобно выкрикнул Дэн, заставив этим заявлением замолчать всех и сразу.

– Рита, ... ты беременна? – растерянно переспросила Диана, и после того, как ее подруга утвердительно кивнула, добавила: – Ну вы... даете.

– Но это же в корне меняет дело! – воскликнул Илья. – Мы должны за это выпить! И за предстоящую свадьбу тоже! Официант! Еще бутылку виски, пожалуйста, и пива... Ребят, что вы будете? Заказывайте! Я угощаю!

– А пойдете танцевать! – снова раздался звонкий голосок кудрявой девушки, они вместе с краснощеким Севой поднялись со своих мест и, пританцовывая, отправились на танцпол. Тимур отхлебнул из своего стакана, схватил уже чуть живого Гарика под локоть, и нетвердой походкой оба отправились вслед за Севой и его спутницей.

– Пойдем тоже потанцуем? – попросила Диана Илью, который в это время опустошал очередной стакан виски. – Хватит пить!

Илья ничего не ответил на ее замечание, грубо спихнул ее с коленей и поспешил вдогонку за своими приятелями.

– Ну что, Ди, похоже тебя тоже сегодня бортанули? – невесело усмехнулся Рома и, жестом приглашая ее присесть рядом с собой, добавил: – Иди сюда, давай лучше напьемся вдвоем.

Диана, проигнорировав его предложение, нервно отвернулась и устремила взгляд на удаляющийся нетвердой походкой силуэт высокого светловолосого парня в белой рубашке и рваных джинсах. Всегда, когда она даже просто смотрела на него, в душе ее все переворачивалось. Этот человек для нее был самым дорогим на всем белом свете, самым нужным, самым желанным, но одновременно и самым холодным. Они уже больше года были вместе, а она до сих пор не могла разобраться, что у них за отношения. Они были хорошими друзьями, близкими людьми, которые отлично проводят время вместе, и они были страстными любовниками. Но это было все... Они словно замерли на этом этапе, никакого дальнейшего развития не было. Илья ничего большего ей не предлагал. И со временем это обстоятельство начало сводить ее с ума. В своих чувствах она была уверена, зная на все сто, что он для нее единственный, никто другой ей был не нужен, и поэтому ей, как любой нормальной девушке, хо-

телось идти по жизни вместе со своим любимым человеком, а не существовать где-то поблизости... а происходило именно так, и мысли об этом приводили ее в недоумение. Что с ней не так? Да ерунда, все с ней в порядке! Она красивая, эффектная, неглупая и, что самое главное, на все готова ради него. Готова пожертвовать ради него всем, уехать куда он захочет, делать то, что он посчитает нужным. Может быть, что-то не так с ним? Ну почему же он так поступает с ней? Почему не предлагает ей жить вместе? Ведь так прекрасно было бы просыпаться по утрам в одной кровати, вместе завтракать и проводить вечера, как здорово было бы вместе мечтать и планировать будущее! Но ничего этого не было. Он не давал ей повода даже заговорить об этом. Очень редко он произносил слово «люблю», но без каких-либо эмоций. Они просто встречались, проводили вместе какое-то время, дарили друг другу ночи, полные ласки, и потом он всегда отвозил ее домой, быстро целовал на прощание и без лишних слов уезжал... А через какое-то время снова появлялся, звонил и предлагал встретиться. Диана все время чувствовала, что он ей не принадлежит, и никак не могла понять, что же она должна сделать такого, чтобы изменить ситуацию. Кот не терпел ее слез и еще больше не выносил истерик. На днях она не выдержала и устроила ему скандал прямо при Гарики. Она так надеялась, что он все же услышит ее, поймет, что он найдет для нее ласковые слова, успокоит, но ничего подобного не произошло. Он лишь плотно

сжал губы, замолчал и, не произнеся ни слова, просто взял и ушел. Поначалу она, сгорая от обиды, думала, что больше никогда не будет с этим черствым человеком, но уже через пару дней, почувствовав невыносимую тоску, позвонила сама и извинилась. И, вроде бы, снова все стало хорошо. Для него... Диана смотрела издалека на его притягательный, мужественный профиль и в который раз чувствовала свою зависимость от него. Он был ее наркотиком. Вся ее душа, целиком и без остатка, лежала у его ног. Она думала об этом и начинала завидовать Рите, ведь в скором будущем та станет женой и матерью. А кем в итоге станет она? Есть ли у них с Ильей будущее? Но... может быть, все дело в том, что он просто не умеет, не знает, как нужно любить? Может быть, именно она и должна его этому научить? Просто нужно еще совсем немного времени и терпения, и перемены, о которых она так мечтает, непременно произойдут.

В эту минуту Илья обернулся. Заметив ее грустное и задумчивое выражение лица, он тепло улыбнулся и поманил ее пальцем к себе. И она ни секунды не раздумывала над тем идти или нет... ведь самым важным было то, что она нужна ему.

Глава 3

Громкая музыка, ослепляющие вспышки света, извивающиеся силуэты, мелькающие знакомые и незнакомые лица... темные волосы, светлые волосы, руки... много рук, они хватают его, обнимают, ласкают... смех, запах алкоголя, сигаретный дым... как же кружится голова...

– А ну, вставай! – эти слова, резким криком раздавшиеся в голове, заставили его вздрогнуть и проснуться. Илья попытался разлепить тяжелые веки, но яркий свет больно ударил по глазам, и он зажмурился. Лежа на животе, он не сразу пришел в себя и никак не мог понять, где находится. Но почувствовав некоторую тяжесть на своей спине и интенсивное пихание маленьких острых кулачков, сонно усмехнулся.

– Вставай! – послышался над ухом сопящий голос, и Илья хрипло рассмеялся, затем поерзал, пытаясь спихнуть незваного седока, но тело его оказалось на редкость слабым и гудело так, словно он всю ночь разгружал вагоны.

– Просыпайся! – снова приказал голос и звонко рассмеялся.

– Со-о-оня, – простонал Илья, не в силах открыть глаза. – Хватит меня мять! Сейчас же слезь с моей спины!

– И не подумаю, – дерзко заявила его сестра. – Ты дрыхнешь уже полдня.

– Ну и... а тебе-то что? – Илья снова попытался ски-

нуть сестру с себя, но она лишь крепче уцепилась ручонками за его плечи и рассмеялась. Тяжело вздохнув от собственного бессилия, он решил поинтересоваться: – И почему это мы сегодня не в школе?

– Ты совсем что ли? – искренне удивилась его вопросу Соня и даже ослабила хватку. – У меня же каникулы!

– Ах да, точно... каникулы, – вспомнил Илья. – Я совсем забыл...

– Да, ты как старик! Постоянно что-то забываешь, – проворчала Соня, перестав наконец-то мять его спину.

– И почему это? Что я еще забыл?

– Свое обещание.

– Ну-ка?

– Сам вспоминай.

– Но, малышка! Я, действительно, не помню.

– Как всегда, – голос Сони становился все более обиженным и расстроенным.

– Я просто еще не проснулся, – поняв, что поспать дольше у него не получится, Илья проморгался и с огромным трудом открыл веки. Свет солнца из окна ослеплял и больно резал по глазам. – Моя голова просто еще не начала работать. Так что же я такого наобещал тебе?

– Ты сказал, что в первый день моих весенних каникул сводишь меня в театр!

– Кто? Я? – удивился Илья, и еще больше раскрыл глаза, пытаясь припомнить, когда такое было. – Это я так сказал?!

– Конечно, ты! – Соня наконец-то сползла с него и улеглась рядом на кровати. Он перевернулся на спину, закинул обе руки себе за голову и сонно посмотрел на сестру. Ее длинные темные волосы были аккуратно заплетены в косы и по бодрому выражению румяного лица нетрудно было догадаться, что она то не спит уже давным-давно. – Ты обещал еще зимой, а потом переобещал на весну, потому что тебе все время некогда!

От последних, укоряющих слов сестры Илье стало, действительно, стыдно. Он ведь и в самом деле уделял ей очень мало времени, хотя безмерно обожал этого маленького жизнерадостного человечка. Но ехать в театр на какой-то наивный и скучный детский спектакль... мысли об этом вводили его в удручающее состояние. Он не особо любил подобные мероприятия, по непонятной причине они наводили на него тоску.

– Послушай, давай начистоту, ладно? Лучше бы тебе съездить в этот твой театр с мамой. А мы с тобой можем просто погулять.

– С мамой?! – возмутилась Соня и обреченно подперла голову обеими руками. – Маме тоже всегда некогда. Я сегодня с ней говорила, у нее каждый день расписан в этом ее... бла... бла

– Благотворительном фонде, – подсказал Илья, и девочка кивнула. – Ну, тогда съезди с няней. Нина Васильевна – прекрасная и добрая женщина. И очень умная к тому же.

– Ну, ты вообще уже! – Соня обиженно надула губы. – Она слишком умная, мне с ней скучно! Я не хочу с ней. Я хочу с тобой!

И видя, как карие глаза сестры наполняются слезами, Илья понял, что все его аргументы закончились и отступить больше некуда.

– Ну, в театр так в театр, – сдался он, Соня моментально просияла, услышав это, и он поспешно добавил: – Но только, пожалуйста, давай не сегодня. Я просто себя неважно чувствую...

– Это понятно, у тебя же бодун, – понятливо кивнула девочка.

– Соня! – возмущенно сказал Илья. – Что это за выражение!?

– А что такого? – невозмутимо удивилась та. – Я в википедии прочитала, что этим словом называется похмелье, ощущение сильной жажды и плохое самочувствие на следующий день после принятия алкоголя.

– Ты читаешь не то, что нужно! И вообще, ты еще маленькая, чтобы интересоваться такими вещами.

– Я не специально. Просто папа, когда уезжал сегодня на работу, тихонько сказал маме, что ты утром пришел в таком состоянии, что у тебя наверняка весь день теперь будет бодун. Я услышала это непонятное слово и захотела узнать, что оно значит. Так у тебя, действительно, бодун?

– Ничего у меня нет! – еще больше возмутился Илья. –

Оставь меня в покое.

– Нет есть, – настойчиво сказала Соня и с сочувствием заглянула ему в глаза. – Ты воняешь и плохо выглядишь.

– Что?! – неожиданно расхохотался Илья. – Я не воняю, противная девчонка! А если это так, тогда зачем ты лежишь со мной рядом?

Соня тяжело вздохнула и смешно закатила глаза, словно разговаривала в данный момент с наиглупейшим существом на всем белом свете:

– По-моему, это очевидно. Ты – мой брат, а я воспитанная и терпеливая девушка.

– Девушка? Послушай, терпеливая ты моя, проваливай-ка из моей комнаты! – рассмеялся Илья, ее слова и поведение позабавили его. – И заодно принеси мне водички.

– Ты – хам, – спокойно заявила Соня и поднялась с кровати. – Я уже принесла тебе стакан воды. Он стоит на столе. И еще надо открыть окно, чтобы проветрить твою ужасную вонючую комнату!

С этими словами она демонстративно подошла к окну и, дернув за пластмассовую ручку, легким движением распахнула его. В комнату тут же ворвался свежий прохладный мартовский воздух, наполненный щебетанием птиц, запахом тающего снега и влажной коры.

– Сейчас же закрой окно, противная девчонка! – выкрикнул Илья, натягивая одеяло на нос. – Я же замерзну!

– Ничего страшного, – деловым тоном, по-взрослому

заметила Соня, направляясь к выходу, и, демонстративно обернувшись, добавила: – От свежего воздуха еще никто не умирал.

– Дай хоть попить! – простонал Илья, закутываясь в постельное белье.

– Вода тут, – Соня ткнула указательным пальцем на длинный узкий стеклянный стакан, стоящий на письменном столе. – Сам поднимись и возьми.

– Вон из мой комнаты, противная девчонка! – крикнул Илья, стараясь не рассмеяться, и запустил ей вслед подушкой. Подушка приземлилась на пол в десяти сантиметрах от Сониной ноги. Девочка лукаво улыбнулась, подняла ее и швырнула обратно в брата. Попав четко ему в голову, она заливисто расхохоталась и поспешила выскочить из комнаты, но уже ровно через секунду ее довольная мордашка снова появилась в дверном проеме с едким замечанием:

– И советую принять душ. С тобой рядом просто невозможно находиться. От твоего запаха у меня даже глаза слезятся!

Дверь резко захлопнулась под звонкий девичий смех, и на лестнице раздался легкий топот бегущих вниз маленьких ножек. Соня спешила к маме, чтобы поскорее сообщить, как ей в очередной раз удалось вывести из себя старшего братца.

Илья прислушался к оживленным голосам где-то далеко, на другом конце дома, и ухмыльнулся. Он любил всей душой

свою маленькую проказницу-сестру. И несмотря на то, что у них была огромная тринадцатилетняя разница в возрасте и практически не было общих интересов, ему все равно нравилось разговаривать с ней, наблюдать за тем, как она растет, как меняется, как начинает во всем подражать взрослым и до смешного умничать. Он считал свою сестренку очень умной и доброй девочкой, воспитанной и неиспорченной родительскими деньгами, поэтому больше всего на свете ему хотелось, чтобы она всегда оставалась такой, как есть. И, конечно же, он ни в коем случае не хотел, чтобы его любимица огорчалась или разочаровывалась. Поэтому, поразмыслив немного, глядя в распахнутое окно на залитые солнечным светом ветви деревьев, Илья принял твердое решение полностью посвятить ей один из ближайших дней: сводить в театр, если уж она так об этом мечтает, посидеть вместе в каком-нибудь уютном кафе, прогуляться в парке... Думая об этом, он решительно откинул одеяло в сторону, вздрогнул от пробежавшей по телу свежей прохлады и нетвердой походкой прошагал до своего стола, схватил стакан и стал жадно пить. Напившись и вытерев тыльной стороной ладони мокрые губы, он бросил взгляд на квадратные настенные часы. Было уже три часа дня. Во сколько же он вернулся? Кажется, только утром... Илья напрягся и попытался восстановить в своей голове всю цепочку ночных событий, но с удивлением отметил, что помнит весьма немного. Воспоминания о том, что происходило в клубе, смешались

все в какую-то яркую кашу, состоящую из коротких и неподвижных картинок, словно его сознание фотографировало все подряд и теперь воспроизводило эти странные непонятные кадры один за другим. Илья поморщился, представляя, как выглядел вчера в таком состоянии. Но с другой стороны, кого ему было стыдиться? Его друзья были так же «хороши», как и он сам. А Диана... ну а что, Диана? Если бы ей что-то не нравилось, она не стала бы с ним так возиться. Она хорошая девушка. Очень. И заботливая. И красивая. Наверное, когда-нибудь у него возникнет желание жениться на ней. Наверное, его жена должна быть именно такой, красивой и заботливой? Наверное, она должна быть такой, чтобы все друзья завидовали ему... Или должно быть что-то еще? Он не понимал себя и никак не мог разобраться в том, что чувствует. Диана была ему приятна во всех отношениях, ему было хорошо с ней. Она была не глупа и всегда умело поддерживала разговор, и с ней не стыдно было появляться на публике. И она нравилась его родителям. И еще он чувствовал, как трепетно она относится к нему, как она заботится о нем, как она бывает необыкновенно нежна и ранима. Именно она вызвала такси и привезла его домой этим утром, и держала на своих хрупких плечах, помогая подняться в комнату, раздела и уложила в кровать, но сама не осталась, зная, что ему это может не понравиться. Наверное, он должен гордиться такой девушкой, как Диана.

Илья подошел к окну, распахнул его шире и поставил

свое по пояс обнаженное тело под яркие, но еще не слишком теплые лучи дневного солнца. И эта весенняя прохлада, смешанная с ласковым, едва ощутимым теплом, вызвала непонятное приятное томление во всем его теле, и мурашки, словно прикосновения тысячи пальцев, врассыпную побежали по спине. Илья вздрогнул, потянулся и закинул обе руки за голову. Как же хорошо... Нет, не может все быть так просто и скучно! Должно быть что-то еще! Непременно должно быть. Что-то, чего он пока просто не понимает, что-то необъяснимое, глубокое, трепетное... то, от чего у людей вырастают крылья за спиной, от чего они способны свернуть горы, от чего они сходят с ума и становятся одержимыми... Одержимыми? Что за бред? Илья ухмыльнулся, подивившись неожиданному размаху своих философских размышлений. И, вспомнив про совет сестры, нехотя отошел от окна, взял со спинки стула большое махровое полотенце и отправился напрямик в душ.

Со стороны кухни раздавались голоса, и Илья, не раздумывая, отправился туда.

– Илюша! – всплеснула руками Анна Сергеевна, едва взглянув на своего сына, который виновато улыбнулся, неловко присел на высокий стул у барной стойки и незаметно ущипнул за бок Соню, сидевшую рядом. Та громко взвизг-

нула и пригрозила ему кулаком. Анна Сергеевна молча положила перед ним на стол таблетку аспирина и налила стакан воды. Какие-либо замечания были излишними, и он покорно принял лекарство, так как и в самом деле чувствовал себя неважно. Илья уже прекрасно изучил свою маму, и теперь не ждал от нее каких-то нравоучений или излишней строгости, она была не таким человеком, хотя старательно скрываемое осуждение все-таки читалось в ее голубых глазах: – Я надеюсь, ты выспался?

– Более чем, – стараясь, чтобы голос его звучал бодро и убедительно, ответил Илья.

– Обедать будешь? – мама выпрямила спину и направилась к холодильнику. Она была одета в строгий темно-синий брючный костюм и бежевую блузку, светлые волосы идеальными локонами обрамляли лицо.

– О нет, – Илья отрицательно потряс головой, с легким отвращением подумав о еде. – Аппетита нет... пока.

– Понятно, – Анна Сергеевна захлопнула холодильник. – Тогда, наверное, крепкого чаю?

– Лучше кофе.

Анна Сергеевна кивнула и открыла стеклянную дверцу кухонного шкафчика, достала круглую белую чашку и включила кофемашину. Та монотонно зашумела, и уже через несколько минут вся кухня наполнилась бодрящим ароматом свежесваренного кофе.

– Спасибо, мама, – поблагодарил Илья, когда чашка с ды-

мящимся напитком уже оказалась у него под носом. – Ты уходишь?

– Да, мои дорогие, минут через пятнадцать уже нужно выезжать, так как в пять у меня важная встреча. Нина Васильевна должна прийти с минуты на минуту, – с этими словами мама торопливо взглянула на часы, а потом снова обратилась к сыну: – Я надеюсь, Илья, у тебя нет планов на сегодняшний вечер?

– Нет, – отозвался тот, делая глоток обжигающего кофе.

– Ну и прекрасно, потому что Анатолий Викторович после вчерашнего ужина слег, у него поднялась температура, и он не в состоянии даже разговаривать по телефону. Отцу срочно нужна твоя помощь.

– Хорошо, – без колебаний согласился Илья. – Сейчас немного приду в себя и сразу же поеду в офис.

– Отлично. Только на чем? – Анна Сергеевна строго сдвинула брови и с легким укором посмотрела на сына. – Диана сказала, что твоя машина осталась на стоянке возле клуба.

– Ох... – Илья болезненно поморщился и потер правой ладонью лоб. – И то верно. Но это не проблема. Я вызову такси, а вечером, после работы заберу машину.

– Будь любезен, – кивнула ему мама и снова поглядела на часы. Няня где-то задерживалась, и она начинала заметно нервничать. – Соня сказала, что вы собираетесь в театр?

Илья бросил короткий взгляд на сестру, беззаботно болтающую ногами под стойкой, и ответил:

– Собираемся. Только еще не решили в какой.

– Как это не решили?! Ты просто не спрашивал. Я хочу вот сюда! – возмутилась Соня и положила перед носом брата красочный флаер с рекламой какого-то спектакля.

Илья едва взглянул на него, по сути ему было абсолютно все равно, куда идти:

– Ну, хорошо. Хочешь сюда? Значит, пойдём. Забронируйте сегодня с Ниной Васильевной два билета через интернет.

– Я хочу позвать с нами Лизу, – неожиданно заявила Соня и вопросительно посмотрела сначала на брата, а потом на маму.

– Какую еще Лизу? – удивленно переспросил Илья, не сразу догадавшись о ком идет речь. Голова его и мысли до сих пор находились в легком тумане.

– А что? Хорошая идея, – поддержала предложение дочери Анна Сергеевна. – Лиза – девочка хорошая, но уж очень замкнутая. Думаю, ей пошла бы на пользу ваша компания.

– Какая компания?! Какая еще девочка?! – возмутился Илья, большими глотками допивая свой кофе.

– Ну Лиза, – напомнила Соня, повернувшись к брату, и с недоумением поглядела ему в глаза. – Вчера у нас была в гостях. Неужели ты забыл?

– А-а-а, – протянул Илья, с трудом вспоминая события вчерашнего вечера, предшествующие его встречи с друзьями. Воспоминания эти были так туманны и нереалистичны,

словно все происходило давным-давно. – Помню я эту худую и необщительную девочку. И что? Неужели вы предлагаете, чтобы я пошел в театр с двумя малолетками?

– Ну да, – довольно кивнула Соня.

– Ну уж нет! – воскликнул Илья и замахал руками, словно отрещиваясь. – Да ни за что! Мне вполне хватает общества и одной противной девчонки!

– Илья... – мама и дочь одинаково недовольно посмотрели на него и обе укоризненно покачали головами.

– Ну, мама! – взмолился тот, испытав легкий укол совести за свои слова. – Только не заставляй меня! Я вообще не люблю детей! И совсем не хочу провозиться целый день с двумя маленькими девчонками.

– Да что здесь такого? – удивилась Анна Сергеевна.

– Ну а что, если они устроят мне прилюдную истерику или будут вести себя плохо? Что мне тогда с ними делать? И о чем с ними разговаривать? О куклах и платьях?

– Ничего с нами не надо делать, – обиженно буркнула Соня и надула губы. – Тогда я лучше позову Женю, если уж ты так боишься детей.

Анна Сергеевна в этот момент подошла к окну и, раздвинув жалюзи, вытянула шею, внимательно вглядываясь на подъездную дорожку к дому. Оттуда раздавался какой-то шум. Одно только упоминание имени вчерашней гостьи привело Илью в замешательство, а воспоминания о неприятном разговоре вновь захлестнули его изнутри. И словно защища-

ьясь от них, он изобразил наигранный изумление:

– Какую еще Женю?

– Евгению, жену Павла Викторовича, неужели ты не помнишь? – мимоходом уточнила мама, которую в эти минуты явно заботили какие-то гораздо более серьезные вопросы и, схватив сумку, она заглянула в нее, сунула мобильный телефон в боковой кармашек и добавила: – По-моему, это очень хорошая идея! Почему бы вам не сходить на спектакль всем вместе? Они обе показались мне вполне воспитанными. Пригласите еще и Диану. Думаю, что она не откажется. Ну все, детки мои, Нина Васильевна подъехала. А я побежала. Уже очень-очень опаздываю!

С этими словами она быстро чмокнула в лоб Соню, затем Илью и торопливо покинула кухню.

– Ты это серьезно? – возмущенно спросил сестру Илья.

– Ну, если ты опять не можешь...

– Почему это не могу?! Я же пообещал. Только я не думал, что ты захочешь позвать кого-то еще, – испытывая от слов сестры непонятное смятение, он шумно отодвинул стул и, взяв в правую руку чашку, понес ее к мойке, включил воду и стал задумчиво следить за тем, как мощная струя воды смешивается с кофейной гущей, пенится и переливается через белоснежный фарфоровый край.

– Ты про Женю? – уточнила Соня, вдохновенно чирикающая что-то шариковой ручкой на рекламном буклете. – Ну, а что тут такого? Просто Лиза не пойдет без нее.

– Ну, так и не нужно нам никого! – Илья резко повернулся и серьезно посмотрел сестре в глаза.

– Почему? – простодушно поинтересовалась та. – Нам с ними будет интересно.

– Послушай, – Илья наконец выключил воду, подошел к барной стойке с противоположной стороны и облокотился о столешницу, затем наклонился к Соне лицом к лицу и взволнованно произнес: – Я уж не знаю, какая там эта твоя Лиза... но то, что ее мамаша не в себе – это факт. С ней, вообще, невозможно разговаривать. Или ты забыла, как она вчера взбеленилась от одного только моего безобидного вопроса? На мой взгляд, она настоящая истеричка, а от таких людей надо держаться подальше!

– Никакая она не истеричка! – Соня отбросила ручку в сторону и возмущенно посмотрела брату в глаза. – Женя хорошая и веселая. Я не знаю, почему она так тебе ответила... может, у нее что-то личное... случилось. Но, когда ты ушел, она закрыла лицо руками, стала просить прощения и сильно плакать.

Илья оторопел на мгновение, но затем выпрямился и строго посмотрел на сестру, не желая верить ее словам:

– Вранье!

– Не хочешь – не верь, – Соня равнодушно пожала плечами.

– Скажи честно, ты ведь это выдумала?

– И ничего я не выдумала! – обиделась та и снова надула

губы.

– Ну извини, может, ты просто что-то путаешь? – почувствовав себя в который раз неловко, уже более мягко поинтересовался Илья.

– И ничего я не путаю! – выкрикнула Соня, не желая мириться с недоверием брата. – Мне уже не пять лет!

– Но тогда... почему? Что такого произошло после моего ухода? Почему она... вдруг заплакала?

– Я не знаю. Ничего не произошло. Мы с Лизой сами ничего не поняли. Женя просто сидела на полу и сильно-сильно плакала. Сначала мы испугались и стали ее успокаивать, а она сказала, что сильно виновата. А потом еще сказала, что не хотела никого обидеть, и что теперь ей будет долго стыдно за себя...

Слова сестры взволновали Илью, он нахмурился и скрестил руки на груди. Противоречивый образ с новой силой всплыл в его подсознании, слегка расплывчатый, но все такой же магический и притягательный. И когда его воображение во всей красе обрисовало трогательную картину плачущей девушки... плачущей из-за него... что-то внутри его души вспыхнуло, заболело и стало ныть. Он снова испытал то жгучее нездоровое желание стать невидимым и незаметно вернуться во вчерашний день, в комнату сестры, чтобы увидеть все собственными глазами.

– Ты меня сейчас не обманываешь, Соня? – все еще сомневаясь, спросил он у сестры, но голос его при этом дрог-

нул. – Она на самом деле так сказала?

– С чего мне врать? – заявила та. – Ты не разбираешься в людях, потому что ты к ним невнимателен.

Произнеся эту простую истину, она ловко слезла со своего высокого стула, а ее слова оказались настолько мудрыми и так точно попали в цель, что заставили Илью замолчать и глубоко задуматься. А ведь и в самом деле, он всегда интересовался лишь самим собой: своими мыслями, своими переживаниями, своими желаниями и недовольством, редко обращая внимание на то, что чувствуют другие... Соня равнодушно взяла со стола свою шариковую ручку, буклет и направилась было к выходу, но Илья растерянно окликнул ее:

– Эй! Ну и что я, по-твоему, должен сделать?

– В каком смысле? – Соня обернулась и, понимая, что одержала хоть и маленькую, но все-таки победу, лукаво улыбнулась.

– Как я должен их пригласить? У меня ведь нет никаких контактов. Или ты предлагаешь, чтобы я разыскивал эту твою сумасбродную Женю через папу?

– Ну, зачем же через папу? – очень уж по-взрослому поинтересовалась Соня и демонстративно вернулась к стойке. – У меня все есть. Мы с Лизой обменялись телефонами: и мобильными, и домашними. Принести?

– Ну, мобильный Лизы мне ни к чему. Давай домашний. Где он у тебя?

– В спальне, я в блокнотик записала.

– Тащи сюда!

Хлопнула входная дверь, в прихожей слышались тяжелые шаги, шуршание пакетов и какая-то возня.

– Детки, я приехала! – крикнула Нина Васильевна, и Соня с Ильей разочарованно переглянулись. Про нее то они совсем позабыли.

– Давай тогда не сегодня? – торопливо предложил Илья. – Завтра позвоним. Сейчас мне уже пора переодеваться и ехать к отцу в офис.

– Ладно, – протянула Соня, развернулась и пошла навстречу своей няне, тучной темноволосой женщине лет пятидесяти, которая в это время, шумно вздыхая, снимала пальто у входа и переобувалась в домашние тапочки.

– Здравствуйте, Нина Васильевна! – донесся вежливый голос Сони уже из прихожей.

– Здравствуй, мое золотце, – ласково ответила ей женщина. – Ох, я сегодня немного припоздала. Такие пробки на дорогах! А твой брат дома?

– Дома.

– Вас покормить?

– Нет, спасибо, мы с мамой пообедали. А Илья уезжает на работу.

– Ну, хорошо, – Нина Васильевна шумно перевела дыхание и добавила: – Тогда пойдем, поможешь мне разобрать сумки...

Глава 4

Илья вызвал такси и был в офисе отца уже через два часа. Он так ничего и не съел за весь день, и от простаивания в изнуряющих городских пробках его и так неидеальное состояние только ухудшилось. Голова нестерпимо болела, а к горлу то и дело подступали приступы тошноты.

– Здравствуй, папа, – поздоровался он, как только вошел в кабинет, и темно-красная дверь из дорогого дерева закрылась за ним. – Извини, что так долго добирался...

– Ты очень бледный, – произнес Михаил Александрович вместо приветствия и поправил очки на носу. Он сидел за своим рабочим столом у огромного панорамного окна с видом на Неву и что-то писал. Его широкое, обычно улыбочивое лицо, выглядело уставшим, а в светло-голубых глазах читалось недовольство.

– Я в порядке, не обращай внимания, – твердо сказал Илья и подошел к столу. – Чем я могу тебе помочь?

– Подожди, – Михаил Александрович снял очки, поднялся из своего мягкого кожаного кресла и подошел к невысокому шкафу со стеклянными дверцами, выполненному из такого же красного дерева, что и вся остальная мебель в его кабинете. Открыв дверцу, он взял с одной из полок пузатый хрустальный графин, наполненный дорогим коньяком, и пару квадратных бокалов. Ничего не говоря, Михаил Алексан-

дрович вернулся к своему столу, отодвинул стопку исписанных бумаг в сторону, поставил бокалы и налил в них приблизительно по сто грамм коньяка. Один бокал взял себе, другой протянул своему сыну со словами:

– Выпей.

– Нет, папа, я не... – попытался возразить Илья, помня свой принцип не пить спиртное при родителях. Но Михаил Александрович нахмурился:

– Выпей, тебе сразу станет легче. Я же не слепец и прекрасно вижу твоё состояние.

– Мне уже намного лучше...

– Послушай, сынок, я не могу сказать, что приветствую твои ночные вылазки. Признаюсь честно, нам с мамой это не по нраву. Но я когда-то тоже был молодым, и мне тоже иногда хотелось «погудеть». Я прекрасно понимаю, что это всё возраст. Рано или поздно ты перебесишься и потеряешь интерес к подобным развлечениям. Только я очень надеюсь, что это всё-таки произойдет рано, нежели поздно!

И, оценив мудрость своей шутки, Михаил Александрович беззвучно рассмеялся. Щеки его зарумянились, а лицо приняло обычное мягкое выражение. Илья с благодарностью улыбнулся отцу, они чокнулись бокалами и выпили.

– Ох, хорошо! – довольно прорычал Михаил Александрович и даже слегка потряс головой. – Признаться честно, все мы перебрали вчера за ужином. Мы с Павлом как-то не рассчитали свои силы. А наш старичок-бухгалтер и вовсе

слег... Ну, да ладно, вернемся к делу. Илюша, очень нужна твоя помощь! Римма не успевает, говорит, что накопилась куча неоплаченных счетов. Сегодня ей весь день звонят поставщики, ждут платежки, говорят, что сроки уже поджимают. Как же так? Неужели мы еще не оплатили последний товар? Это нужно сделать срочно! И вышли им все бумажки, что они требуют. Документы, которые мне понадобятся – распечатай, а остальное перекинь бухгалтерам, пусть сами разбираются. Не пойму, чем в последнее время занимался наш многоуважаемый Анатолий Викторович...

Илья, выпив еще немного коньяка, сел в кресло за небольшой столик в углу, где стоял второй стационарный компьютер, зашел в почту и без колебаний принялся за сортировку писем, пришедших лично на адрес отца. Через несколько минут в кабинет вошла высокая и не слишком привлекательная Римма, женщина средних лет с гладко зачесанными волосами, в белой блузке и узкой серой юбке до колен. Она принесла на подносе две чашки и прозрачный чайник, в котором был заварен зеленый чай с мелиссой и кусочками лайма, чей освежающий и бодрящий вкус оказался весьма кстати.

Освободились они только около половины одиннадцатого и за брошенной у ночного клуба машиной Ильи решили

не ехать, так как после принятия «лечебной» дозы коньяка за руль садиться было уже нельзя ни тому, ни другому. Михаил Александрович частенько пользовался услугами личного водителя, его то он и попросил перегнать автомобиль сына от клуба на стоянку офиса.

Когда они вернулись домой было уже за полночь, няня Нина Васильевна давно уехала, и Анна Сергеевна, ухоженная и свежая как всегда, со светящимся лицом встречала их у дверей. Она подогрела ужин для своих мужчин, налила себе бокал красного вина и тоже присела за стол, внимательно слушая рассказ мужа о том, как они с сыном провели этот вечер. Илья наконец смог расслабиться и подумать о своем. Он практически не слышал ничего из того, что говорил его отец, так как ему не терпелось вернуться к их с Соней неоконченному разговору, и, хотя на размышления в течение вечера у него особо не было времени, все же мыслями он то и дело возвращался к странной девушке, представляя себе ее слезы, и испытывал при этом какой-то животный, неведомый ему до сих пор, восторг. Но Соня, к его величайшему разочарованию, уже крепко спала.

– Илюша у нас просто молодец, – донесся откуда-то изда- лека голос отца и вернул его в реальность. Илья посмотрел на родителей и непонятно улыбнулся, реагируя на похвалу. Анна Сергеевна ничего не ела, а только попивала красное вино из большого бокала, а Михаил Александрович за обе щеки уплетал домашние котлеты из индейки с овощным ра-

гу: – Нет, Аннушка, я раз за разом убеждаюсь, что мы с тобой все правильно решили. У нас с тобой вырос очень способный сын, у него светлая голова и острый ум! Совсем немного опыта, и он станет прекрасным управленцем! Пока я копался, он в свою очередь так быстро, всего за несколько часов, расквитался с этой грудой накопившихся проклятущих бумажек, сделал несколько важных звонков и весьма достойно и дипломатично урегулировал возникшее недоразумение. Признаюсь честно, Анатолий Викторович (при всем моем к нему уважении) на такую оперативность уже просто не способен. И я всерьез задумываюсь о том, чтобы свергнуть его с поста моего заместителя и заменить молодым специалистом, а точнее нашим любезным Ильей Михайловичем!

Произнеся эти слова, мужчина глухо рассмеялся.

– Папа, ты меня переоцениваешь, – смутился Илья, прекрасно понимая, что даже эти похвалы в большей степени произносятся отцом для того, чтобы его простимулировать, чтобы он понял наконец свое место и предназначение. – Уверен, что любой разбирающийся человек справился бы также.

– Нет, сынок, это просто ты себя недооцениваешь! – запротестовал Михаил Александрович. – Только я не понимаю почему? Ты не ленивый и способный... В любом случае, тебе пора уже начинать погружаться в дела нашей компании. Ты мне нужен. Я так решил.

Вот так. Очередное решение принято.

– Дорогой, не надо так давить. Дай мальчику немного от-

дохнуть, он ведь только закончил учебу, – мягко возразила своему мужу Анна Сергеевна.

– Ты права, Аннушка, – согласился тот, немного поразмыслив. – Тебе, Илюша, действительно, нужно передохнуть и набраться сил. Но ты должен понимать, что мы с мамой возлагаем на тебя огромные надежды, делаем ставку на твою серьезность, на твоё обучение и последующую работу в Англии. От того, как ты себя там проявишь, зависит развитие и процветание нашей компании. Пока я, конечно, не стану тебя сильно загружать. Ещё несколько месяцев ты можешь работать в облегченном режиме. Если захочешь, то можешь даже поехать куда-нибудь отдохнуть. Уверен, что хороший отдых пойдет тебе только на пользу и расставит все на свои места в твоей, подчеркиваю, умной голове.

Илья ничего не ответил. Иногда ему казалось, что отец чувствует намного больше, чем говорит. Как-то так получилось, что они никогда не обсуждали желания или планы на жизнь самого Ильи. Возможно, это происходило от банального недостатка времени и внимания. А, может быть, намеренно? Михаил Александрович, постоянно демонстрируя свою отцовскую любовь и заботу, странным образом избегал разговоров с сыном на личные темы. Он просто все для него делал, предоставляя ему всяческую помощь и материальные блага, но не давал при этом единственной и главной человеческой возможности – сделать свой собственный выбор. Наверняка, сам Михаил Александрович в глубине души пони-

мал это и поэтому осознанно ставил такой барьер в общении, боясь, что Илья по каким-то своим глупым юношеским умо- заключениям может взять и отказаться от всего. А этого никак нельзя было допустить, ведь ему нужен был приемник, человек близкий и хорошо им изученный, человек безотказный, бесконечно преданный и честный. И единственным человеком, в которого он по-настоящему верил и которому доверял, был его единственный сын. И Илья в свою очередь это прекрасно понимал.

– Спасибо за ужин, мама, – задумчиво поблагодарил он и поднялся из-за стола. – С вашего позволения, я пойду спать.

– Конечно, сыночек, – ласково ответила ему Анна Сергеевна, тоже поднялась и поцеловала его в щеку. – Иди отдыхать. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Илюша, – тепло улыбнулся отец, тоже заканчивая свой ужин. – Подъедешь завтра ко мне часикам к трем? Прокатимся вместе на встречу с одним интересным человеком.

– Конечно, – ответил Илья и, покинув кухню, поднялся в свою комнату. Не раздеваясь, он плюхнулся на кровать и устало закрыл глаза. В голове всплывали поочередно сцены из ночного клуба, размытые лица друзей, где-то отдаленно играла музыка, мелькало перед глазами напудренное лицо Дианы и ее холодные прозрачные глаза, а потом вдруг он увидел маленькую ямочку на щеке идеально красивого лица,

влажные зеленые глаза, преисполненные тоски, и воображение неожиданно понесло его дальше: он увидел, как из этих чудных глаз катятся прозрачные слезы, и снова испытал какое-то томление во всем теле, ему безумно захотелось прикоснуться к ее мокрым щекам, провести кончиками пальцев по нежной шее...

– Господи, Диана! – вдруг прошептал он, вспомнив о своей неблагодарности, и резко поднялся с кровати. – Где же телефон? Черт, куда я его дел?

Сонливость тут же как рукой сняло. Илья неожиданно вспомнил, что не брал телефон в руки с того самого момента, как перед отъездом в клуб послал сообщение своей девушке, и теперь даже не имел представления о его местонахождении. А ведь и Диана, и Гарик наверняка уже не раз позвонили ему в течение дня... Он принялся разыскивать свой мобильник на письменном столе, затем в кровати, перевернув и одеяло, и подушки, обшарил руками весь пол, проверил карманы своих рваных джинсов, небрежно заброшенных в корзину с грязным бельем... К величайшему облегчению, минут через десять телефон все-таки нашелся – все это время он мирно покоился в кармане кожаной куртки, которую Диана накануне заботливо повесила на плечики в шкаф, и Илья, уходя из дома и не обнаружив ее на привычном месте в прихожей, просто надел другую. Илья схватил мобильник в руку, быстрым движением снял его с блока, и монитор засветился, озарив комнату ярко-голубым светом. Он уви-

дел пять непринятых вызовов, четыре из которых, действительно, принадлежали Диане; и четыре смс-сообщения, два – от нее же, одно от Гарика и еще одно от Тимура. Илья невесело ухмыльнулся – все они справлялись о его самочувствии. Ответив приятелям общими фразами о том, что он в полном порядке, Илья все же снял с себя одежду и забрался под одеяло. Поразмыслив с минуту, он нажал на один из номеров и, приложив трубку к уху, стал терпеливо слушать монотонные гудки.

– Где ты был? Я уже вся извелась! – выкрикнул взволнованный голос Дианы.

– Детка, успокойся, пожалуйста, – сонным голосом отозвался Илья и зевнул. – Я просто забыл телефон дома. Полдня проспал, а потом уехал к отцу на работу. Не надо сердиться. Я недавно вернулся, покушал и теперь безумно хочу спать.

– Ты даже не представляешь, как меня бесит твое безразличие! – хоть Диана и говорила тихо, в голосе ее четко проскальзывали истеричные нотки. – Неужели ты за весь день ни разу не вспомнил обо мне? Ни разу не подумал о том, что я могу волноваться? Неужели нельзя было найти способ, чтобы связаться со мной?

Илья тяжело вздохнул, слушая ее претензии. Он понимал, что по сути она права, ведь он, действительно, уделял ей очень мало внимания, а зачастую просто даже забывал о ее существовании. Ему стало стыдно и захотелось найти слова,

чтобы все исправить, чтобы хоть как-то сделать ей приятно:

– Детка, успокойся, пожалуйста... признаю, что виноват.

– Нет, этого мало! – всхлипнула девушка, заводясь еще больше. – Илья, ты думаешь только о себе! Всегда.

– Перестань. Это не так...

– Это так! И я не знаю, как с этим жить.

– Ну, что еще за глупости? – терпеливо спросил он, чувствуя, что этот разговор начинает ему надоедать.

– Глупости? Ты такой черствый, Илья! Тебе абсолютно безразлично, что происходит в моем сердце...

– Да замолчи ты! Хватит выносить мне мозг!!! – не выдержал он, перебив ее на полуслове, и она, всхлипнув, умолкла. Он не мог больше выслушивать этот бесконечный поток претензий. Слова ее были чистой правдой, но ее слезы раздражали его, и он не выносил ее истерик, сам не понимая почему. Может быть потому, что в такие минуты чувствовал себя ничтожеством, бессердечным эгоистом, неспособным дарить ласку, заботу и любовь другому человеку?

– Прости, – тихо попросила Диана, и в эту минуту он еще больше возненавидел себя за то, что она так унижается перед ним.

– Нет, это ты меня прости, – произнес Илья, пытаюсь вложить в эти слова всю нежность, на которую только был способен. – Я просто устал. Не нервничай, пожалуйста, из-за меня, Ди. Я этого не стою. Спокойной ночи, детка.

– Спокойной ночи...

Глава 5

Этой ночью он плохо спал. Ему снились какие-то безумные серые сны: бесконечная дорога и много бегущих, неистово вопящих людей, и он среди них тоже бежал куда-то в неизвестном направлении; а потом вдруг оказался абсолютно один на высоком каменистом берегу, долго стоял и смотрел вниз на бушующее серое море... шел проливной дождь... и он чувствовал, что уже насквозь промок, но даже не шевелился, все также продолжал стоять и смотреть на волны... а потом вдруг неожиданно подпрыгнул, оторвался от земли и стремительно полетел вниз с обрыва...

– Где Соня? – взволнованно спросил Илья свою маму, как только вошел на кухню. Анна Сергеевна в домашнем трикотажном костюме молочного оттенка с аккуратно подобранными наверх волосами что-то готовила у плиты, но услышав голос сына, тут же обернулась.

– Доброе утро, сынок, – ласково поздоровалась она. – Ты что это такой помятый? Не заболел ли?

– Доброе утро, мама, – ответил ей Илья, усаживаясь за стол. – Я абсолютно здоров, просто плохо спал.

– Ну, хорошо, – Анна Сергеевна удовлетворенно кивнула и отвернулась к плите. – Соня с Ниной Васильевной пошли прогуляться к лесу, поискать подснежники. А я готовлю омлет с грибами. Будешь?

– Буду, – согласился Илья, почувствовав голод. – А что, уже появились подснежники?

– Нина Васильевна сказала, что видела несколько полянок вдоль леса, пока ехала к нам. И Соня тут же заявила, что непременно должна увидеть их своими глазами.

– Понятно. И как давно они ушли? – снова спросил Илья, ни на минуту не забывая об их с сестрой договоренности. Мысли о том, что он возможно услышит Женин голос, сильно волновали его и никак не оставляли в покое. Он пытался представить себе, как же она отреагирует на его звонок. А вдруг ей это будет неприятно, и она бросит трубку? Или скажет какую-нибудь стандартную фразу из вежливости и постарается поскорее закончить разговор? А что, если откажется от их с Соней предложения и попросит его больше никогда ей не звонить?! Мысли об этом буквально поедали его изнутри, пока он уплетал только что приготовленный омлет, не чувствуя при этом ни его вкуса, ни запаха. Он не знал, чего ему ожидать от этой странной особы. Но именно это и было самым притягательным, именно это и заводило его...

– Спасибо, мама, было очень вкусно, – все еще пребывая в своих раздумьях, сказал Илья и поднялся из-за стола. – Пожалуйста, передай Соне, когда она вернется, что я жду ее у себя в комнате.

Нина Васильевна и Соня вернулись примерно через час. Илья отчетливо слышал их возбужденные голоса сначала в прихожей, а потом на кухне. Он лежал в своей комнате на кровати и читал. Точнее пытался читать. Бегая глазами по строчкам, переворачивая страницу за страницей, он никак не мог понять, о чем же идет речь в этой книге. Пытаясь сосредоточиться, то и дело он ловил себя на том, что отвлекается от сюжета и погружается в собственные глубокие и гораздо более интересные размышления. Внешнее спокойствие на его лице было лишь маской, которую он умело надевал, когда это бывало нужно. Внутри же все буквально сгорало от нетерпения.

– Эй, ты что опять спишь?! – воскликнула Соня, без стука и лишних церемоний ворвавшись в его комнату.

– Да где же я сплю?! – искренне возмутился Илья. – Разлепи глаза, я читаю.

– Ну-ну, – ехидно произнесла его сестра и демонстративно прошла по комнате, но потом неожиданно разбежалась и со всего маха плюхнулась к нему на кровать. – Ты даже не представляешь, сколько в лесу подснежников!!! И они такие красивые!!!

– Неужели? Это весна, – усмехнулся Илья, глядя на ее светящееся лицо, и уже более серьезным голосом спросил: – Но я надеюсь, ты не рвала их? Подснежники нельзя срывать, ведь они занесены в красную книгу.

– Нет, не рвала, – печально ответила ему Соня, всем сво-

им видом доказывая, что подобные мысли все-таки посещали ее голову. – Я сначала хотела, но Нина Васильевна не разрешила. И я их просто фотографировала.

– Вот и правильно, – одобрительно кивнул Илья и, решив больше не тянуть время, поинтересовался: – Ну так, вы забронировали билеты на твой спектакль?

– Да, мы с Ниной Васильевной все сделали.

– Когда же он будет?

– Послезавтра в два часа.

– Хорошо. И сколько билетов вы забронировали?

– Четыре, как мы с тобой и договаривались.

– Значит, ты так и не передумала насчет своих подружек? – с напускным безразличием поинтересовался Илья лишь для того, чтобы ничем не выдать своего внутреннего возбужденного состояния.

– Нет, не передумала, – беззаботно ответила ему Соня, прекрасно зная о том, как ее братец иногда любить повредищать. – Давай звонить?

– Ну давай, – все еще изображая равнодушие, согласился Илья. И когда Соня убежала в свою комнату за блокнотиком, в котором был записан номер телефона, он нервно отложил книгу в сторону, весь собрался и даже выпрямил спину, чтобы чувствовать себя более уверенно. Соня вернулась буквально через минуту, присела с ним рядом, вырвала из блокнота листок с семью аккуратно выведенными цифрами и протянула ему. Илья взглянул на цифры, взял в руки

свой мобильник и быстро набрал номер. Он только-только захотел сделать глубокий вдох, как на другом конце уже ответили:

– Алло?

Илья, сам того не ожидая, задохнулся и вместо ответа шумно выдохнул в трубку.

– Алло? Кто это? – испуганно спросил голос.

– Евгения? – выдавил Илья, пытаясь восстановить сбившееся дыхание.

– Да, – ответил голос и повторил свой вопрос: – Кто это?

– Здравствуйте. Это Илья...

– Какой Илья? – удивленно спросила Женя.

– Ну тот самый... который брат Сони, – Илья до конца не понимал, как лучше будет напомнить о себе. – Вы были у нас позавчера...

– А... ну да, Илья, конечно, я вас помню, – голос ее прозвучал вежливо, но как-то разочарованно, и это еще больше смутило его; на секунду воцарилось неловкое молчание, но тут она неожиданно спросила: – А откуда у вас мой номер телефона?

Илья подсознательно ждал этого вопроса.

– Девочки обменялись номерами, – предельно честно ответил он. – И Соня попросила меня...

– Ах, ну да, они, действительно, обменялись... – задумчиво подтвердила Женя, словно не расслышав его последних слов, и после секундного молчания вдруг спросила: – Как

поживаете, Илья?

Этот простой и вполне доброжелательный вопрос в миг разрядил обстановку и придал ему уверенности. Илья облегченно вздохнул и ответил:

– Спасибо, у меня все хорошо. А как вы?

– У меня тоже все отлично, – без каких-либо эмоций ответила она.

– Рад это слышать! – весело произнес Илья, понимая, что пора уже прекращать обмен любезностями и спросил напрямую: – Женя, а вы не хотели бы пойти в театр?

– Куда? – растерялась та.

– В театр, – повторил он и усмехнулся: – Только вы, пожалуйста, не поймите меня неправильно. Я звоню по просьбе своей сестры. Просто Соня очень хочет пойти на один спектакль, но непременно с Лизой.

– Так вы хотите пригласить в театр Лизу? – догадалась Женя.

– Ну да. Если вы, конечно, не против, – согласился Илья и выразительно заглянул в светящиеся от радости глаза своей сестры. – А еще лучше, если бы и вы тоже согласились пойти, так как скорее всего я буду чувствовать себя крайне неловко в обществе двух девочек. И мы, на всякий случай, уже забронировали четыре билета.

Женя неожиданно снова замолчала, и Илья, не совсем понимая ее реакцию на свои слова, сначала открыл было рот, чтобы объяснить, но потом все-таки закрыл его и стал на-

пряженно вслушиваться в тишину на другом конце трубки. Не имея представления о том, что будет дальше, он чувствовал себя не в своей тарелке. На лбу от волнения даже выступили капельки пота, и он неловко смахнул их левой рукой. Соня, тоже не понимая, что происходит, вопросительно заглянула ему в глаза, но он лишь пожал плечами.

– Так когда вы говорите будет спектакль? – неожиданно спросила Женя после минутного молчания.

– Послезавтра, – коротко ответил Илья и облегченно выдохнул. – В два часа дня.

– А что за театр?

– Кажется, он называется «Алые паруса», – неуверенно отозвался Илья, разглядывая красочный флаер. – Спектакль – «Сказка летнего дождя». К сожалению, большей информацией я не владею, это все Соня выбирала.

– Да-да, я слышала об этом театре. Он ведь находится на Горьковской?

– Так, сейчас... Здесь написан адрес: Малая Посадская, дом 23.

– Да, я знаю, где это. Илья, подождите секундочку, – мягко попросила Женя. – Я загляну в свой ежедневник, чтобы ответить вам наверняка.

– Конечно...

В трубке послышалась какая-то возня, затем шелест перевертываемых страниц, и уже через мгновение Женя ответила бодрым голосом:

– Да, мы сможем. Значит, послезавтра в два часа дня?

– Так точно, – подтвердил Илья, едва не задохнувшись от внутреннего ликования. – Отлично! Мы с Соней приедем пораньше, чтобы выкупить билеты...

– Но я сразу же верну вам деньги! – нетерпеливо перебила его Женя.

– Да что за глупости? – обиделся Илья и добавил: – Вообще-то, это приглашение.

– Нет, так дело не пойдет. Я не люблю оставаться в долгу, – продолжала настаивать на своем строптивая девушка.

И Илья, чтобы снова не обострять ситуацию, вынужден был с ней согласиться:

– Ладно, Женя, давайте потом разберемся. Встречаемся в половину второго у входа. Вам далеко добираться? Может, за вами заехать?

– Нет, не волнуйтесь. Мы доберемся сами, – ответила Женя уже более покладисто. – Спасибо и до встречи.

– До послезавтра, – попрощался Илья и положил трубку, затем шумно выдохнул и, закатив глаза к небу, возмущенно сказал своей сестре: – Ну, что за человек? Как же с ней тяжело разговаривать!

Глава 6

Оставшийся день пролетел незаметно быстро. Илья подъехал в офис, и они с отцом, как и договаривались ранее, вместе отправились на деловую встречу, которая оказалась весьма занимательной и плодотворной. «Интересным человеком» оказался пожилой китайский бизнесмен, представитель небольшой компании в Бангкоке, которая также непосредственно занималась производством элитных сортов китайского чая. Сотрудничество между двумя компаниями, а также обмен опытом оказался интересен обеим сторонам.

И весь последующий день Илья был занят с отцом, вместе с ним принимал посетителей, обедал с поставщиками и разбирал документацию. На вечер, желая хоть как-то загладить свою вину, он пригласил Диану на примирительный ужин в ресторан, заказав столик на двоих. Михаил Александрович, наоборот, захотел уехать домой пораньше и, узнав о планах сына на вечер, оставил ему ключ от своего кабинета. Около восьми вечера Илья проводил отца до машины и вернулся обратно. До ужина с Дианой оставалось еще целых два часа свободного времени, и он решил еще немного поработать, сел за отцовский стол и взял в руки контракт, предложенный их компании новым китайским партнером. Прежде чем подписывать его, необходимо было изучить все возможные подводные камни. Илья был отлично юридически под-

кован, и поэтому отец попросил его первым ознакомиться с документом. Но не успел он прочитать и первых двух пунктов, как телефон, лежащий на столе, засветился и завибрировал. Илья удивленно взглянул на экран и быстро поднес мобильник к уху.

– Привет, Дэн! – поздоровался он.

– Привет, Кот! – ответил его приятель. – Я тебя не отвлекаю?

– Нет, конечно. Я в офисе, но рабочий день закончился.

– Хорошо, – пропыхтел Дэн и спросил: – Значит, ты у отца на работе?

– Ну, да, – подтвердил Илья.

– Кот, слушай, а можно я к тебе сейчас подъеду в течение получаса? Мне очень нужно с тобой увидеться. Поговорить бы...

– Что-то случилось? – Илья даже несколько напрягся. Он всегда боялся неожиданных звонков.

– Да нет... – промямлил Дэн.

– Рита в порядке?! – с тревогой в голосе спросил Илья. – А ее беременность?

– Да все в порядке. Правда, она вчера на меня так раскричалась, что у нее поднялось давление. Ей стало плохо, я вызвал скорую, и ее увезли в больницу. Но слава Богу, никакой угрозы нет. Врачи сказали, что проведут все необходимые обследования и выпустят ее уже через неделю. Просто мне как-то совсем хреново, брат, а поговорить теперь

и не с кем. Наши все ведь такие праведники стали с некоторых пор. И они все меня осуждают! Да я и не хочу ни с кем из них разговаривать. Мне кажется, что только ты меня сможешь понять. Так я подъеду?

Илья испытал некоторое облегчение, узнав, что ничего серьезного ни с кем не случилось, ведь все его приятели были ему одинаково дороги. Ну, разве что к Гарику он был привязан чуть больше остальных и именно его всегда считал своим лучшим другом.

– Ну что за вопрос? Конечно, я тебя жду. У меня как раз есть часа полтора свободного времени. Потом поеду в ресторан, пригласил сегодня Ди на ужин.

– О, ну это дело святое! – уже гораздо веселее заметил Дэн и добавил: – Я тебя надолго не задержу. Уже еду.

– Илья Михайлович, к вам тут пришли, – Римма, уже полностью одетая, заглянула в кабинет и с надеждой в голосе спросила: – Я вам точно больше не нужна?

– Нет, Римма, спасибо большое. Поезжайте домой, – ответил Илья, и после того, как довольная женщина исчезла из виду, в кабинет понуро вошел Денис. Он молча стянул со своей головы шапку и, широко распахнув руки, заключил Илью в дружеские объятия.

– Ну, что-то ты совсем раскис, дружище, – усмехнулся

Илья и ободряюще похлопал друга по спине. – Может, хочешь чая или кофе?

– Нет, спасибо. Ничего не хочу, – ответил Дэн, снял пальто и плюхнулся на небольшой кожаный диван у стены. Илья пододвинул стул и сел напротив него. Дэн выглядел неважно, бледный с огромными кругами под глазами, он казался еще более худым, чем обычно. Не поднимая глаз, он нервно теребил в руках свою вязаную шапку и, по всей видимости, подбирая слова.

– Ну, рассказывай, – подбодрил его Илья. – Что с тобой?

– Да, я и сам толком не пойму, что со мной, – ответил Дэн и поднял на друга свои ясные серо-зеленые глаза. – Я просто последние дни все время думаю, а правильно ли я поступаю...

– Ты про Риту? – предположил Илья.

– Да про все, Кот! – нервно отозвался тот и провел ладонью по своим коротким русым волосам. – Про все. Меня все теперь считают предателем... так ведь и я себя считаю таковым! Мы же с Ромычем друзья... были... а я с ним так обошелся.

– Ну... – протянул Илья, не зная, что на это ответить. – Я уверен, что со временем все уляжется. Он простит. Ты же знаешь, он добряк.

– Добряк, я знаю. Вот только смогу ли я когда-нибудь ему в глаза посмотреть! – воскликнул Дэн и швырнул шапку на пол. – Мне нужен совет.

– Так... – Илья нахмурился и, откинувшись на стуле, скрестил руки на груди. – Дэн, если ты хочешь, чтобы я был с тобой откровенен, тогда ты должен быть откровенен со мной. Давай только предельно честно – ты Ритку любишь или между вами все произошло забавы ради?

– Я ее люблю! – с чувством ответил парень. – Ты же знаешь, я на нее всегда заглядывался.

– А она?

– Любит, наверное, ... я не знаю. Мне говорит, что любит. Очень.

– Это важно. А ее беременность? Ты этому рад или нет? Ты готов к такой ответственности: жениться и стать отцом? Только честно!

– Честно? Я боюсь, Кот.

– Чего?

– Боюсь, что я не так хорош, как она думает...

– А она не думает, она любит, – Илья снова нагнулся вперед и прямо посмотрел ему в глаза. – Любит таким, какой ты есть. Но только не размазную, которая сейчас сидит передо мной и во всем сомневается, а сильного и далеко неглупого человека, который всегда отвечал за свои поступки. И я думаю, что она тоже не рада тому, как все произошло. И, наверное, ей в большей степени совестно перед Ромычем. Но если вы двое уверены в своих чувствах, то и нечего стыдиться. Пройдет время, все уляжется. А то, что друзья осуждают... в конце концов, тебе не с ними жить. И Ритке сейчас мень-

ше всего нужны твои сомнения. А если ты будешь все время только копать в себе, она подумает, что ты жалеешь обо всем и что ты слабак. Но это ведь не так! Она по какой-то причине выбрала тебя. Значит, ты ей нужен. Сильный и уверенный Дэн, который сможет позаботиться о ней и о ребенке.

– Да-да, Кот, ты прав, – Дэн заерзал на диване, словно что-то мешало ему сидеть спокойно. – Ты прав, братан. И о чем я только думаю? Мне просто сначала было все равно, а теперь стало жутко стыдно перед Ромычем...

– Я понимаю. Но своей любви нельзя стыдиться. Нельзя! Если между вами с Ритой все всерьез и надолго, то Ромыч обязательно поймет. Ты позвони ему, объяснись. Чего ходить вокруг да около? Вы же друзья.

– Ты думаешь, он станет со мной разговаривать? Я же увел у него девушку...

– Я думаю, что станет. Ромыч, он парень отходчивый. А если не станет... ну что ж попытка не пытка. Запомни: ты честен, и просто хочешь с ним объясниться. Эта женщина уже твоя. Ты любишь ее, и ты не должен стыдиться говорить об этом. Вот какая должна быть твоя позиция. За свою любовь, Дэн, ты не перед кем не должен оправдываться, кроме себя самого и Бога, – сказав это, Илья усмехнулся и похлопал его по плечу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.